This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Tolstoi, L
-1913
Jam-
U22
T65
1904
Chaikovsky

„BEDENKEN SIE SICH!“ von Leo Tolstoj.
Aufsatz über den russisch-japanischen Krieg.
Preis: 1,25 Mark, 60 коп.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

„ОДУМАЙТЕСЬ!“

Odumaitec

Статья по поводу русско-японской войны.

«Нынѣ ваше время и власть тьмы».
(Лука, гл. XXII, ст. 53.)

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

Изданіе „Свободнаго Слова“

№ 91.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

Generalvertretung Eugen Diederichs. Leipzig.

ИЗДАНІЯ „СВОБОДНАГО СЛОВА".

A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England.

№		Р. К.
3.	Помогите! Обращеніе къ обществу. *П. Бирюкова, И. Трегубова и В. Черткова.*	— 12
4.	Положеніе духоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. *П. Бирюкова и В. Черткова.*	— 20
5.	Письма Петра Васильевича Ольховика.	— 30
6.	Какъ читать Евангеліе, и въ чемъ его сущность? *Л. Н. Толстого.* (2-ое изданіе.)	— 12
7.	Приближеніе конца. *Л. Н. Толстого.*	— 12
8.	Объ отношеніи къ государству. (2-ое изданіе.) (3 письма: къ либераламъ и друг.) *Л. Н. Толстого.*	— 20
9.	Царство Божіе внутри васъ. (2-ое изд.) *Его же.*	1 —
	То же, съ портретомъ автора (1902 г.)	1 50
10.	Христіанское ученіе. (2-ое изданіе.) *Его же.*	— 50
17.	Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина. Составилъ *Е. Поповъ*, съ послѣсловіемъ *Л. Н. Толстого.*	— 60
18.	Николай Палкинъ. — Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. Дорого стоитъ. *Л. Н. Толстого.*	— 20
20.	Листки Свободнаго Слова, № 3.	— 40
21.	Воскресеніе. Романъ *Л. Н. Толстого.*	
29.	Студенческое движеніе 1899 г. Сборникъ подъ редакціей *А. и В. Чертковыхъ.* (2-ое изданіе.)	— 30
34.	Жизнь и ученіе Іисуса. *Л. Н. Толстого.*	— 25
35.	Финляндскій разгромъ. Сборникъ подъ редакціей *В. Черткова.*	— 75
39.	13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Записки *Л. А. Волкенштейнъ.*	— 40
40.	Мысли о Богѣ. *Л. Н. Толстого.*	— 30
41.	Практическій учебникъ англійскаго языка, примѣненный для русскихъ переселенцевъ въ Америкѣ.	— 25
43.	Рабство нашего времени. *Л. Н. Толстого.* 2ое изд.	— 50
45.	Неужели это такъ надо? *Л. Н. Толстого.*	— 20
47.	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 1-ый. Письма П. В. Веригина. Подъ редакціей *В. Бончъ-Бруевича.*	1 —
49.	Похищеніе дѣтей Хилковыхъ. По матеріаламъ, собраннымъ *В. Чертковымъ.*	— 50
51.	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 2-ой. (Двѣ духоборческія рукописи).	— 30
52.	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 3-ій. Разсказъ духоборца Васи Позднякова.	— 40
53.	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 4-ый. Духоборцы въ дисциплинарномъ батальонѣ.	— 50
54.	Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 5-ый. Духоборцы въ тюрьмахъ. (Печатается).	
61.	*Изложеніе* Евангелія. Съ примѣчаніями, взятыми *изъ книги* „Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій". *Л. Н. Толстого.*	1 50

„RAVISEZ VOUS!“ par Léon Tolstoy.
Sur la guerre russo-japonnaise.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

„ОДУМАЙТЕСЬ!“

Статья по поводу русско-японской войны.

«Нынѣ ваше время и власть тьмы».
(Лука, гл. XXII, ст. 53.)

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ

Изданіе „Свободнаго Слова“

№ 91.

A. Tchertkoff.
Christchurch, Hants, England.
1904.

Slavic C
26058

Slav. mic.
26958

„Одумайтесь!“

I.

Беззаконія ваши произвели раздѣленіе между вами и Богомъ вашимъ, и грѣхи ваши отвращаютъ лице Его отъ васъ, чтобы не слышать. Ибо руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконіемъ; уста ваши говорятъ ложь, языкъ вашъ произноситъ неправду. Никто не возвышаетъ голоса за правду, и никто не вступается за истину; надѣются на пустое, и говорятъ ложь, зачинаютъ зло, и раждаютъ злодѣйство...; дѣла ихъ — дѣла неправедныя, и насиліе въ рукахъ ихъ. Ноги ихъ бѣгутъ ко злу, и они спѣшатъ на пролитіе невинной крови; мысли ихъ — мысли нечестивыя; опустошеніе и гибель на стезяхъ ихъ. Пути мира они не знаютъ, и нѣтъ суда на стезяхъ ихъ; пути ихъ искривлены, и никто, идущій по нимъ, не знаетъ мира. Потому-то и далекъ отъ насъ судъ, и правосудіе не достигаетъ до насъ; ждемъ свѣта, и вотъ тьма, — озаренія, и ходимъ во мракѣ. Осязаемъ какъ слѣпые стѣну, и, какъ безъ глазъ, ходимъ ощупью; спотыкаемся въ полдень, какъ въ сумерки, между живыми — какъ мертвые.

Исаія (гл. LIX, ст. 2 — 4, 6 — 10).

Но война болѣе уважаема, чѣмъ когда-либо. Искусный артистъ этого дѣла, геніальный убійца г-нъ Мольтке, такими странными словами отвѣчалъ делегатамъ мира:

«Война свята, божественнаго учрежденія, одинъ изъ священныхъ законовъ міра. Она поддерживаетъ въ людяхъ всѣ великія и благородныя чувства: честь, безкорыстіе, добродѣтель, храбрость, однимъ словомъ спасаетъ людей отъ отвратительнаго матеріализма».

Такъ что соединиться въ стада четырехсотъ тысячъ человѣкъ, безъ отдыха ходить день и ночь, ни о чемъ не думать, ничего не изучать, ничему не научаться, ничего не читать, не быть

полезнымъ никому, загнивать въ нечистотѣ, спать въ грязи, жить какъ скоты, въ постоянномъ одуреніи, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потомъ, встрѣтивъ такое же другое скопище человѣческаго мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорваннымъ мясомъ и кучами труповъ устилать землю, быть искалѣченными, быть разможенными безъ пользы для кого бы то ни было и наконецъ издохнуть гдѣ-нибудь на чужомъ полѣ, тогда какъ ваши родители, ваша жена и дѣти дома умираютъ съ голода — это называется спасать людей отъ отвратительнаго матеріализма.

Гюи-де-Мопассанъ.

Ограничимся тѣмъ, что напомнимъ, что различныя государства Европы накопили долгъ въ 130 милліардовъ, изъ которыхъ около 110 сдѣлано въ продолженіе одного вѣка, и что весь колоссальный долгъ этотъ сдѣланъ исключительно для расходовъ по войнѣ; что европейскія государства держатъ въ мирное время въ войскѣ болѣе 4 милліоновъ людей и могутъ довести это число до 10 милліоновъ въ военное время; что двѣ трети ихъ бюджетовъ поглощены процентами на долгъ и содержаніемъ армій сухопутныхъ и морскихъ.

Молинари.

Опять война. Опять никому не нужныя, ничѣмъ не вызванныя страданія, опять ложь, опять всеобщее одуреніе, озвѣреніе людей.

Люди, десятками тысячъ верстъ отдѣленные другъ отъ друга, сотни тысячъ такихъ людей, съ одной стороны буддисты, законъ которыхъ запрещаетъ убійство не только людей, но животныхъ, съ другой стороны христіане, исповѣдующіе законъ братства и любви, какъ дикіе звѣри, на сушѣ и на морѣ ищутъ другъ друга, чтобы убить, замучить, искалѣчить самымъ жестокимъ образомъ.

Что же это такое? Во снѣ это или наяву? Совершается что-то такое, чего не должно, не можетъ быть, — хочется вѣрить, что это сонъ, и проснуться.

Но нѣтъ, это не сонъ, а ужасная дѣйствительность.

Еще можно понять, что оторванный отъ своего поля, бѣдный, неученый, обманутый японецъ, которому внушено, что буддизмъ не состоитъ въ состра-

даніи ко всему живому, а въ жертвоприношеніяхъ идоламъ, и такой же бѣдняга тульскій, нижегородскій, полуграмотный малый, которому внушено, что христіанство состоитъ въ поклоненіи Христу, Богородицѣ, святымъ и ихъ иконамъ,—можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вѣковымъ насиліемъ и обманомъ до признанія величайшаго преступленія въ мірѣ — убійства братьевъ — доблестнымъ дѣломъ, могутъ совершать эти страшныя дѣла, не считая себя въ нихъ виноватыми. Но какъ могутъ такъ называемые просвѣщенные люди проповѣдовать войну, содѣйствовать ей, участвовать въ ней, и, что̀ ужаснѣе всего, не подвергаясь опасностямъ войны, возбуждать къ ней, посылать на нее своихъ несчастныхъ, обманутыхъ братьевъ? Вѣдь не могутъ же эти, такъ называемые, просвѣщенные люди, не говоря уже о христіанскомъ законѣ, если они признаютъ себя его исповѣдниками, не знать всего того, что̀ писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, безсмысленности войны. Вѣдь потому они и считаются просвѣщенными людьми, что они знаютъ все это. Большинство изъ нихъ сами писали или говорили объ этомъ. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваленіе Гаагской конференціи, о всѣхъ книгахъ, брошюрахъ, газетныхъ статьяхъ, рѣчахъ, трактующихъ о возможности разрѣшенія международныхъ недоразумѣній международными судилищами, всѣ просвѣщенные люди не могутъ не знать того, что всеобщія вооруженія государствъ другъ передъ другомъ неизбѣжно должны привести ихъ къ безконечнымъ войнамъ или къ всеобщему банкротству, или къ тому и другому вмѣстѣ; не могутъ не знать, что кромѣ безумной, безцѣльной траты милліардовъ рублей, т. е. трудовъ людскихъ на приготовленія къ войнамъ, въ самыхъ войнахъ гибнутъ милліоны самыхъ энергическихъ, сильныхъ людей, въ лучшую для производительнаго труда пору ихъ жизни (войны прошлаго столѣтія погубили 14,000,000 людей). Не могутъ

просвѣщенные люди не знать того, что поводы къ войнамъ всегда такіе, изъ за которыхъ не стоитъ тратить не только одной жизни человѣческой, но и одной сотой тѣхъ средствъ, которыя расходуются на войну (за освобожденіе негровъ истрачено въ много разъ больше того, что̀ стоилъ бы выкупъ всѣхъ негровъ юга). Всѣ знаютъ, не могутъ не знать главнаго, что войны, вызывая въ людяхъ самыя низкія, животныя страсти, развращаютъ, озвѣряютъ людей. Всѣ знаютъ неубѣдительность доводовъ, приводимыхъ въ пользу войнъ, вродѣ тѣхъ, которые приводилъ Де-Местръ, Мольтке и другіе, такъ какъ всѣ они основаны на томъ софизмѣ, что во всякомъ бѣдствіи человѣческомъ можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольномъ утвержденіи, что войны всегда были и потому всегда будутъ, какъ будто дурные поступки людей могутъ оправдываться тѣми выгодами и пользой, которыя они приносятъ, или тѣмъ, что они впродолженіе долгаго времени совершались. Всѣ такъ называемые просвѣщенные люди знаютъ все это. И вдругъ начинается война, и все это мгновенно забывается, и тѣ самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безуміе войнъ, нынче думаютъ, говорятъ, пишутъ только о томъ, какъ бы побить какъ можно больше людей, разорить и уничтожить какъ можно больше произведеній труда людей, и какъ бы какъ можно сильнѣе разжечь страсти человѣконенавистничества въ тѣхъ мирныхъ, безобидныхъ, трудолюбивыхъ людяхъ, которые своими трудами кормятъ, одѣваютъ, содержатъ тѣхъ самыхъ, мнимо-просвѣщенныхъ людей, заставляющихъ ихъ совершать эти страшныя, противныя ихъ совѣсти, благу и вѣрѣ дѣла.

II.

И Микромегасъ сказалъ: «О, вы, разумные атомы, въ которыхъ вѣчное Существо проявило свое искусство и свое могущество, вы вѣрно пользуетесь чистыми радостями на вашемъ земномъ шарѣ, потому что, будучи такъ мало матеріальны и такъ развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь въ любви и мышленіи, такъ какъ въ этомъ настоящая жизнь духовныхъ существъ. Я нигдѣ не видалъ истиннаго счастья; но оно здѣсь, несомнѣнно.»

На эту рѣчь всѣ философы покачали головами, и одинъ изъ нихъ, наиболѣе откровенный, сказалъ, что, за исключеніемъ малаго числа мало уважаемыхъ жителей, все остальное населеніе состоитъ изъ безумцевъ, злодѣевъ и несчастныхъ.

— «Въ насъ больше тѣлесности, чѣмъ нужно, если зло происходитъ отъ тѣлесности, и слишкомъ много духовности, если зло происходитъ отъ духовности, сказалъ онъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящую минуту тысячи безумцевъ въ шляпахъ убиваютъ тысячи другихъ животныхъ въ чалмахъ или убиваемы ими, и такъ это ведется съ незапамятныхъ временъ по всей землѣ.»

— «Изъ за чего же ссорятся эти маленькія животныя?»

— «Изъ за какого-нибудь маленькаго кусочка грязи, величиной съ вашу пятку, — отвѣчалъ философъ — и ни одному изъ людей, которые рѣжутъ другъ друга нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до этого кусочка грязи. Вопросъ для нихъ только въ томъ, будетъ ли этотъ кусочекъ принадлежать тому, кого называютъ султаномъ, или тому, кого называютъ кесаремъ, хотя ни тотъ, ни другой не видалъ этого кусочка земли. Изъ тѣхъ же животныхъ, которыя рѣжутъ другъ друга, почти никто не видалъ того животнаго, ради котораго они рѣжутся.»

— «Несчастные, — воскликнулъ Сиріецъ, — можно-ли представить себѣ такое безумное бѣшенство! Право, мнѣ хочется сдѣлать три шага и раздавить весь муравейникъ этихъ смѣшныхъ убійцъ.»

— «Не трудитесь дѣлать этого, — отвѣчали ему. — Они сами заботятся объ этомъ. Впрочемъ, и не ихъ надо наказывать, а тѣхъ варваровъ, которые, сидя въ своихъ дворцахъ, предписываютъ убійства людей и велятъ торжественно благодарить за это Бога.»

Вольтеръ.

(Разговоръ жителя Сиріуса съ жителемъ земли.)

Безуміе современныхъ войнъ оправдывается династическимъ интересомъ, національностью, европейскимъ равновѣсіемъ, честью. Этотъ послѣдній мотивъ самый дикій, потому что нѣтъ ни одного народа, который не осквернилъ бы себя всѣми преступленіями и постыдными поступками, нѣтъ ни одного, который не испыталъ бы всевозможныхъ униженій. Ежели же и существуетъ

честь въ народахъ, то какой же странный способъ поддерживать ее войной, т. е. всѣми тѣми преступленіями, которыми безчеститъ себя частный человѣкъ: поджигательствомъ, грабежами, убійствомъ...

Анатоль Франсъ.

Дикій инстинктъ военнаго убійства такъ заботливо въ продолженіе тысячелѣтій культивировался и поощрялся, что пустилъ глубокіе корни въ мозгу человѣческомъ. Надо надѣяться, однако, что лучшее, чѣмъ наше, человѣчество, сумѣетъ освободиться отъ этого ужаснаго преступленія.

Но что подумаетъ тогда это лучшее человѣчество о той такъ называемой утонченной цивилизаціи, которой мы такъ гордимся?

А почти то же, что мы думаемъ о древне-мексиканскомъ народѣ и его каннибализмѣ въ одно и то же время воинственномъ, набожномъ и животномъ.

Летурно.

Иногда одинъ властитель нападаетъ на другого изъ страха, чтобы тотъ не напалъ на него. Иногда начинаютъ войну потому, что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда потому, что онъ слишкомъ слабъ, иногда наши сосѣди желаютъ того, чѣмъ мы владѣемъ, или владѣютъ тѣмъ, чего намъ недостаетъ. Тогда начинается война до тѣхъ поръ, покуда они захватятъ то, что имъ нужно, или отдадутъ то, что нужно намъ.

Джонатанъ Свифтъ.

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русскій царь, тотъ самый, который призывалъ всѣ народы къ миру, всенародно объявляетъ, что, несмотря на всѣ заботы свои о сохраненіи дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшіяся захватомъ чужихъ земель и усиленіемъ войскъ для защиты этихъ захваченныхъ земель), онъ, вслѣдствіе нападенія японцевъ, повелѣваетъ дѣлать по отношенію японцовъ то же, что̀ начали дѣлать японцы по отношенію русскихъ, т. е. убивать ихъ; и объявляя объ этомъ призывѣ къ убійству, онъ поминаетъ Бога, призывая Его благословеніе на самое ужасное въ свѣтѣ преступленіе. То-же самое по отношенію русскихъ провозгласилъ японскій императоръ. Ученые юристы,

господа Муравьевъ и Мартенсъ, старательно доказываютъ, что въ призывѣ народовъ ко всеобщему миру и возбужденіи войны изъ за захватовъ чужихъ земель нѣтъ никакого противорѣчія. И дипломаты на утонченномъ французскомъ языкѣ печатаютъ и разсылаютъ циркуляры, въ которыхъ подробно и старательно доказываютъ,—хотя и знаютъ, что никто имъ не вѣритъ,— что только послѣ всѣхъ попытокъ установить мирныя отношенія (въ дѣйствительности всѣхъ попытокъ обмануть другія государства), русское правительство вынуждено прибѣгнуть къ единственному средству разумнаго разрѣшенія вопроса, т. е. къ убійству людей. И то же самое пишутъ японскіе дипломаты. Ученые, историки, философы, съ своей стороны сравнивая настоящее съ прошедшимъ и дѣлая изъ этихъ сопоставленій глубокомысленные выводы, пространно разсуждаютъ о законахъ движенія народовъ, объ отношеніи желтой и бѣлой расы, буддизма и христіанства и на основаніи этихъ выводовъ и соображеній оправдываютъ убійство христіанами людей желтой расы. Точно такъ-же ученые и философы японскіе оправдываютъ убійство людей бѣлой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять другъ друга и не останавливаясь ни передъ какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказываютъ, что и правы, и сильны, и во всѣхъ отношеніяхъ хороши только русскіе, а не правы и слабы и дурны во всѣхъ отношеніяхъ всѣ японцы, а также дурны и всѣ тѣ, которые враждебны или могутъ быть враждебны русскимъ— англичане, американцы,—что точно такъ-же по отношенію русскихъ доказывается японцами и ихъ сторонниками.

И не говоря уже о военныхъ, по своей профессіи готовящихся къ убійству, толпы такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, ничѣмъ и никѣмъ къ этому не побуждаемыхъ, какъ профессора, земскіе дѣятели, студенты, дворяне, купцы, выражаютъ самыя вра-

ждебныя, презрительныя чувства къ японцамъ, англичанамъ, американцамъ, къ которымъ они вчера еще были доброжелательны или равнодушны, и безъ всякой надобности выражаютъ самыя подлыя, рабскія чувства передъ царемъ, къ которому они, по меньшей мѣрѣ, совершенно равнодушны, увѣряя его въ своей безпредѣльной любви и готовности жертвовать для него своими жизнями.

И несчастный, запутанный молодой человѣкъ, признаваемый руководителемъ 130-милліоннаго народа, постоянно обманываемый и поставленный въ необходимость противорѣчить самому себѣ,—вѣрить и благодарить и благословляетъ на убійство войско, которое онъ называетъ своимъ, для защиты земель, которыя онъ еще съ меньшимъ правомъ можетъ называть своими. Всѣ подносятъ другъ другу безобразныя иконы, въ которыя не только никто изъ просвѣщенныхъ людей не вѣритъ, но которыя безграмотные мужики начинаютъ оставлять, всѣ въ землю кланяются передъ этими иконами, цѣлуютъ ихъ и говорятъ высокопарно-лживыя рѣчи, въ которыя никто не вѣритъ.

Богачи жертвуютъ ничтожныя доли своихъ безнравственно нажитыхъ богатствъ на дѣло убійства или на устройство помощи въ дѣлѣ убійства, и бѣдняки, съ которыхъ правительство собираетъ ежегодно два милліарда, считаютъ нужнымъ дѣлать то же самое, отдавая правительству и свои гроши. Правительство возбуждаетъ и поощряетъ толпы праздныхъ гулякъ, которые, расхаживая съ портретомъ царя по улицамъ, поютъ, кричатъ ура и подъ видомъ патріотизма дѣлаютъ всякаго рода безчинства. И по всей Россіи отъ дворца до послѣдняго села пастыри церкви, называющей себя христіанской, призываютъ того Бога, который велѣлъ любить враговъ, Бога — Любовь на помощь дѣлу дьявола, на помощь человѣкоубійству.

И одуренные молитвами, проповѣдями, воззва-

ніями, процессіями, картинами, газетами, пушечное мясо, сотни тысячъ людей однообразно одѣтые съ разнообразными орудіями убійства, оставляя родителей, женъ, дѣтей, съ тоской на сердцѣ, но съ напущеннымъ молодечествомъ, ѣдутъ туда, гдѣ они, рискуя смертью, будутъ совершать самое ужасное дѣло: убійство людей, которыхъ они не знаютъ, и которые имъ ничего дурного не сдѣлали. И за ними ѣдутъ врачи, сестры милосердія, почему-то полагающіе, что дома они не могутъ служить простымъ, мирнымъ, страдающимъ людямъ, а могутъ служить только тѣмъ людямъ, которые заняты убійствомъ другъ друга. Остающіеся же дома радуются извѣстіямъ объ убійствѣ людей и, когда узнаютъ, что убитыхъ японцевъ много, благодарятъ за это кого-то, кого они называютъ Богомъ.

И все это не только признается проявленіемъ высокихъ чувствъ, но люди, воздерживающіеся отъ такихъ проявленій, если они пытаются образумѣть людей, считаются измѣнниками, предателями и находятся въ опасности быть обруганными и избитыми озвѣрѣвшей толпой людей, не имѣющихъ въ защиту своего безумія и жестокости никакого иного орудія, кромѣ грубаго насилія.

III.

Война образуетъ людей, перестающихъ быть гражданами и дѣлающихся солдатами. Ихъ привычки выдѣляютъ ихъ изъ общества, ихъ главное чувство есть преданность начальнику, они въ лагеряхъ пріучаются къ деспотизму, къ тому, чтобы достигать своихъ цѣлей насиліемъ и играть правами и счастіемъ ближнихъ; ихъ главное удовольствіе: бурныя приключенія, опасности. Мирные труды имъ противны.

Война сама собой производитъ войну и продолжаетъ ее безъ конца. Побѣдившій народъ, опьяненный успѣхомъ, стремится къ новымъ побѣдамъ; пострадавшій же народъ, раздраженный пораженіемъ, спѣшитъ возстановить свою честь и свои потери.

Народы, озлобленные другъ противъ друга взаимными обидами, желаютъ другъ другу униженія, разоренія. Они радуются

честь въ народахъ, то какой же странный способъ поддерживать ее войной, т. е. всѣми тѣми преступленіями, которыми безчеститъ себя частный человѣкъ: поджигательствомъ, грабежами, убійствомъ...

Анатоль Франсъ.

Дикій инстинктъ военнаго убійства такъ заботливо въ продолженіе тысячелѣтій культивировался и поощрялся, что пустилъ глубокіе корни въ мозгу человѣческомъ. Надо надѣяться, однако, что лучшее, чѣмъ наше, человѣчество, сумѣетъ освободиться отъ этого ужаснаго преступленія.

Но что подумаетъ тогда это лучшее человѣчество о той такъ называемой утонченной цивилизаціи, которой мы такъ гордимся?

А почти то же, что мы думаемъ о древне-мексиканскомъ народѣ и его каннибализмѣ въ одно и то же время воинственномъ, набожномъ и животномъ.

Летурно.

Иногда одинъ властитель нападаетъ на другого изъ страха, чтобы тотъ не напалъ на него. Иногда начинаютъ войну потому, что непріятель слишкомъ силенъ, а иногда потому, что онъ слишкомъ слабъ, иногда наши сосѣди желаютъ того, чѣмъ мы владѣемъ, или владѣютъ тѣмъ, чего намъ недостаетъ. Тогда начинается война до тѣхъ поръ, покуда они захватятъ то, что имъ нужно, или отдадутъ то, что нужно намъ.

Джонатанъ Свифтъ.

Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости.

Русскій царь, тотъ самый, который призывалъ всѣ народы къ миру, всенародно объявляетъ, что, несмотря на всѣ заботы свои о сохраненіи дорогого его сердцу мира (заботы, выражавшіяся захватомъ чужихъ земель и усиленіемъ войскъ для защиты этихъ захваченныхъ земель), онъ, вслѣдствіе нападенія японцевъ, повелѣваетъ дѣлать по отношенію японцовъ то же, что̀ начали дѣлать японцы по отношенію русскихъ, т. е. убивать ихъ; и объявляя объ этомъ призывѣ къ убійству, онъ поминаетъ Бога, призывая Его благословеніе на самое ужасное въ свѣтѣ преступленіе. То-же самое по отношенію русскихъ провозгласилъ японскій императоръ. Ученые юристы,

господа Муравьевъ и Мартенсъ, старательно доказываютъ, что въ призывѣ народовъ ко всеобщему миру и возбужденіи войны изъ за захватовъ чужихъ земель нѣтъ никакого противорѣчія. И дипломаты на утонченномъ французскомъ языкѣ печатаютъ и разсылаютъ циркуляры, въ которыхъ подробно и старательно доказываютъ,—хотя и знаютъ, что никто имъ не вѣритъ,— что только послѣ всѣхъ попытокъ установить мирныя отношенія (въ дѣйствительности всѣхъ попытокъ обмануть другія государства), русское правительство вынуждено прибѣгнуть къ единственному средству разумнаго разрѣшенія вопроса, т. е. къ убійству людей. И то же самое пишутъ японскіе дипломаты. Ученые, историки, философы, съ своей стороны сравнивая настоящее съ прошедшимъ и дѣлая изъ этихъ сопоставленій глубокомысленные выводы, пространно разсуждаютъ о законахъ движенія народовъ, объ отношеніи желтой и бѣлой расы, буддизма и христіанства и на основаніи этихъ выводовъ и соображеній оправдываютъ убійство христіанами людей желтой расы. Точно такъ-же ученые и философы японскіе оправдываютъ убійство людей бѣлой расы. Журналисты, не скрывая своей радости, стараясь перещеголять другъ друга и не останавливаясь ни передъ какой, самой наглой, очевидной ложью, на разные лады доказываютъ, что и правы, и сильны, и во всѣхъ отношеніяхъ хороши только русскіе, а не правы и слабы и дурны во всѣхъ отношеніяхъ всѣ японцы, а также дурны и всѣ тѣ, которые враждебны или могутъ быть враждебны русскимъ— англичане, американцы,—что точно такъ-же по отношенію русскихъ доказывается японцами и ихъ сторонниками.

И не говоря уже о военныхъ, по своей профессіи готовящихся къ убійству, толпы такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, ничѣмъ и никѣмъ къ этому не побуждаемыхъ, какъ профессора, земскіе дѣятели, студенты, дворяне, купцы, выражаютъ самыя вра-

ужаснѣе всѣхъ ужасовъ, передъ сознаніемъ безсилія человѣческаго разума.

То, что̀ единственно отличаетъ человѣка отъ животнаго, то, что̀ составляетъ его достоинство, — его разумъ — оказывается ненужнымъ, безполезнымъ, даже не безполезнымъ, а вреднымъ придаткомъ, только затрудняющимъ всякую дѣятельность, вродѣ какъ узда, сбившаяся съ головы лошади и путающаяся въ ея ногахъ и только раздражающая ее.

Понятно, что язычникъ грекъ, римлянинъ, даже средневѣковой христіанинъ, не знавшій евангелія и слѣпо вѣровавшій во всѣ предписанія церкви, могъ воевать и, воюя, гордиться своимъ военнымъ званіемъ; но какъ можетъ вѣрующій христіанинъ или даже невѣрующій, но весь невольно проникнутый христіанскими идеалами братства людей и любви, которымъ воодушевлены произведенія философовъ, моралистовъ, художниковъ нашего времени, какъ можетъ такой человѣкъ взять ружье или стать къ пушкѣ и цѣлиться въ толпы ближнихъ, желая убить ихъ какъ можно больше?

Ассиріяне, римляне, греки могли быть увѣрены, что, воюя, поступаютъ не только согласно съ своей совѣстью, но совершаютъ даже доброе дѣло. Но вѣдь, хотимъ мы или не хотимъ этого, мы христіане, и христіанство, какъ бы оно ли было извращено, общій духъ его, не могъ не поднять насъ на ту высшую ступень разума, съ которой уже мы не можемъ не чувствовать всѣмъ существомъ своимъ не только безумія, жестокости войны, но совершенной противуположности всему, что̀ мы считаемъ хорошимъ и должнымъ. И потому мы не можемъ дѣлать того же не только увѣренно, твердо и спокойно, но безъ сознанія своей преступности, безъ отчаяннаго чувства того преступника убійцы, который, начавъ убивать свою жертву и сознавая въ глубинѣ души преступность начатаго дѣла, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть въ состояніи докончить ужасное дѣло. Все это

неестественное, лихорадочное, горячечное, безумное возбужденіе, охватившее теперь праздные верхніе слои русскаго общества, есть только признакъ сознанія преступности совершаемаго дѣла. Всѣ эти наглыя, лживыя рѣчи о преданности, обожаніи монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), всѣ эти обѣщанія отстаиванія грудью чужой земли, всѣ эти безсмысленныя благословенія другъ друга разными стягами и безобразными иконами, всѣ эти молебны, всѣ эти приготовленія простынь и бинтовъ, всѣ эти отряды сестеръ милосердія, всѣ эти жертвы на флотъ и Красный Крестъ, отдаваемыя тому правительству, прямая обязанность котораго въ томъ, чтобы, имѣя возможность собирать съ народа, сколько ему нужно денегъ, объявивъ войну, завести нужный флотъ и нужныя средства перевязки раненныхъ, всѣ эти славянскія, напыщенныя, безсмысленныя, и кощунственныя молитвы, про произнесеніе которыхъ въ разныхъ городахъ газеты сообщаютъ, какъ про важную новость, всѣ эти шествія, требованія гимна, крики „ура“, вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличенія, потому что всеобщая, газетная ложь, все это одуреніе и озвѣреніе, въ которомъ находится теперь русское общество, и которое передается понемногу и массамъ, все это есть только признакъ сознанія преступности того ужаснаго дѣла, которое дѣлается.

Непосредственное чувство говоритъ людямъ, что не должно быть того, что̀ они дѣлаютъ, но какъ тотъ убійца, который, начавъ рѣзать свою жертву, не можетъ остановиться, такъ и русскимъ людямъ кажется теперь неопровержимымъ доводомъ въ пользу войны то, что дѣло начато. Война начата и потому надо продолжать ее. Такъ это представляется самымъ простымъ, заблудшимъ, неученымъ людямъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ мелкихъ страстей и одуренія, которому они подверглись. И точно такъ же разсуждаютъ самые ученые люди нашего вре-

мени, доказывая то, что человѣкъ не имѣетъ свободы воли, и потому, если бы онъ и понялъ, что начатое имъ дѣло нехорошо, онъ не можетъ остановиться.

И ошалѣвшіе, озвѣрѣвшіе люди продолжаютъ ужасное дѣло.

IV.

Обитатели земной планеты находятся еще въ такомъ состояніи нелѣпости, неразумія, тупости, что каждый день читаешь въ журналахъ цивилизованныхъ странъ обсужденіе дипломатическихъ отношеній главъ государствъ, имѣющихъ цѣлью союзы противъ предполагаемаго врага, приготовленіе войнъ, при которыхъ народы позволяютъ своимъ руководителямъ располагать ими, какъ скотомъ, ведомымъ на бойню, какъ будто и не подозрѣвая того, что жизнь каждаго человѣка есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты всѣ воспитаны въ убѣжденіи, что есть народы, границы, знамена, и всѣ имѣютъ такое слабое сознаніе человѣчности, что это чувство совершенно исчезаетъ передъ представленіемъ отечества... Правда, что если бы мыслящіе люди сумѣли согласиться, это положеніе измѣнилось бы, такъ какъ лично никто не желаетъ войны... Но есть такія политическія сцѣпленія, вслѣдствіе которыхъ могутъ существовать милліоны паразитовъ.

Фламмаріонъ.

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различныя дѣятельности человѣческія, то нельзя воздержаться отъ слѣдующаго печальнаго размышленія: сколько тратится жизней для продолженія на землѣ царства зла, и какъ этому злу содѣйствуетъ больше всего учрежденіе постоянныхъ армій.

Удивленіе и чувство печали увеличиваются еще при мысли о томъ, что все это ненужно, и что это зло, принимаемое такъ благодушно огромнымъ большинствомъ людей, происходитъ только отъ ихъ глупости, только оттого, что они позволяютъ относительно малому числу людей искусныхъ и развращенныхъ эксплуатировать себя.

Патрисъ Ларрокъ.

Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатіи и журналамъ, можетъ самое ничтожное несогласіе превратиться въ священную войну. Когда Англія и Франція объявили войну Россіи въ 1856 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться въ дипломатическихъ архивахъ, чтобы понять эту причину. А вмѣстѣ съ тѣмъ по-

слѣдствіями этого страннаго недоразумѣнія была смерть 500 тысячъ добрыхъ людей и израсходованіе отъ 5 до 6 милліардовъ.

Въ сущности, причины были, но такія, въ которыхъ не признаются. Наполеонъ III хотѣлъ посредствомъ союза съ Англіей и счастливой войны утвердить свою, преступнаго происхожденія власть; русскіе хотѣли захватить Константинополь; англичане хотѣли утвердить могущество своей торговли и помѣшать вліянію русскихъ на Востокѣ. Подъ однимъ или другимъ видомъ это всегда тотъ же духъ завоеванія.

Ришe.

Можетъ-ли быть что-нибудь нелѣпѣе того, что человѣкъ имѣетъ право убить меня, потому что онъ живетъ на той сторонѣ рѣки, и что его государь въ ссорѣ съ моимъ, хотя я и не ссорился съ нимъ.

Паскаль.

Спросите у бросившаго старыхъ родителей, жену, дѣтей солдата-рядового, ефрейтора, унтеръ офицера, зачѣмъ онъ готовится убивать неизвѣстныхъ ему людей, онъ сначала удивится вашему вопросу. Онъ солдатъ, присягалъ и долженъ исполнять приказанія начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убійство людей, не сходится съ заповѣдью „не убій“, то онъ скажетъ: А какъ же, коли на нашихъ нападаютъ? За царя, за вѣру православную. — Одинъ на мой вопросъ сказалъ мнѣ: А какъ же, коли онъ на святыню нападетъ? — На какую? — На знамя. — Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповѣдь Бога важнѣе не только знамени, но всего на свѣтѣ, то онъ замолчитъ или разсердится и донесетъ начальству.

Спросите офицера, генерала, зачѣмъ онъ идетъ на войну, — онъ скажетъ вамъ, что онъ военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убійство не сходится съ духомъ христіанскаго закона, не смущаетъ его, потому что онъ или не вѣритъ въ этотъ законъ, или, если и вѣритъ, то не въ самый законъ, а въ то разъясненіе, которое дано этому закону. Главное же то, что онъ такъ

ужаснѣе всѣхъ ужасовъ, передъ сознаніемъ безсилія человѣческаго разума.

То, что̀ единственно отличаетъ человѣка отъ животнаго, то, что̀ составляетъ его достоинство, — его разумъ — оказывается ненужнымъ, безполезнымъ, даже не безполезнымъ, а вреднымъ придаткомъ, только затрудняющимъ всякую дѣятельность, вродѣ какъ узда, сбившаяся съ головы лошади и путающаяся въ ея ногахъ и только раздражающая ее.

Понятно, что язычникъ грекъ, римлянинъ, даже средневѣковой христіанинъ, не знавшій евангелія и слѣпо вѣровавшій во всѣ предписанія церкви, могъ воевать и, воюя, гордиться своимъ военнымъ званіемъ; но какъ можетъ вѣрующій христіанинъ или даже невѣрующій, но весь невольно проникнутый христіанскими идеалами братства людей и любви, которымъ воодушевлены произведенія философовъ, моралистовъ, художниковъ нашего времени, какъ можетъ такой человѣкъ взять ружье или стать къ пушкѣ и цѣлиться въ толпы ближнихъ, желая убить ихъ какъ можно больше?

Ассиріяне, римляне, греки могли быть увѣрены, что, воюя, поступаютъ не только согласно съ своей совѣстью, но совершаютъ даже доброе дѣло. Но вѣдь, хотимъ мы или не хотимъ этого, мы христіане, и христіанство, какъ бы оно ли было извращено, общій духъ его, не могъ не поднять насъ на ту высшую ступень разума, съ которой уже мы не можемъ не чувствовать всѣмъ существомъ своимъ не только безумія, жестокости войны, но совершенной противуположности всему, что̀ мы считаемъ хорошимъ и должнымъ. И потому мы не можемъ дѣлать того же не только увѣренно, твердо и спокойно, но безъ сознанія своей преступности, безъ отчаяннаго чувства того преступника убійцы, который, начавъ убивать свою жертву и сознавая въ глубинѣ души преступность начатаго дѣла, старается одурманить, раздражить себя, чтобы быть въ состояніи докончить ужасное дѣло. Все это

неестественное, лихорадочное, горячечное, безумное возбужденіе, охватившее теперь праздные верхніе слои русскаго общества, есть только признакъ сознанія преступности совершаемаго дѣла. Всѣ эти наглыя, лживыя рѣчи о преданности, обожаніи монарха, о готовности жертвовать жизнью (надо бы сказать чужой, а не своей), всѣ эти обѣщанія отстаиванія грудью чужой земли, всѣ эти безсмысленныя благословенія другъ друга разными стягами и безобразными иконами, всѣ эти молебны, всѣ эти приготовленія простынь и бинтовъ, всѣ эти отряды сестеръ милосердія, всѣ эти жертвы на флотъ и Красный Крестъ, отдаваемыя тому правительству, прямая обязанность котораго въ томъ, чтобы, имѣя возможность собирать съ народа, сколько ему нужно денегъ, объявивъ войну, завести нужный флотъ и нужныя средства перевязки раненныхъ, всѣ эти славянскія, напыщенныя, безсмысленныя, и кощунственныя молитвы, про произнесеніе которыхъ въ разныхъ городахъ газеты сообщаютъ, какъ про важную новость, всѣ эти шествія, требованія гимна, крики „ура“, вся эта ужасная, отчаянная, не боящаяся обличенія, потому что всеобщая, газетная ложь, все это одуреніе и озвѣреніе, въ которомъ находится теперь русское общество, и которое передается понемногу и массамъ, все это есть только признакъ сознанія преступности того ужаснаго дѣла, которое дѣлается.

Непосредственное чувство говоритъ людямъ, что не должно быть того, что они дѣлаютъ, но какъ тотъ убійца, который, начавъ рѣзать свою жертву, не можетъ остановиться, такъ и русскимъ людямъ кажется теперь неопровержимымъ доводомъ въ пользу войны то, что дѣло начато. Война начата и потому надо продолжать ее. Такъ это представляется самымъ простымъ, заблудшимъ, неученымъ людямъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ мелкихъ страстей и одуренія, которому они подверглись. И точно такъ же разсуждаютъ самые ученые люди нашего вре-

мени, доказывая то, что человѣкъ не имѣетъ свободы воли, и потому, если бы онъ и понялъ, что начатое имъ дѣло нехорошо, онъ не можетъ остановиться.

И ошалѣвшіе, озвѣрѣвшіе люди продолжаютъ ужасное дѣло.

IV.

Обитатели земной планеты находятся еще въ такомъ состояніи нелѣпости, неразумія, тупости, что каждый день читаешь въ журналахъ цивилизованныхъ странъ обсужденіе дипломатическихъ отношеній главъ государствъ, имѣющихъ цѣлью союзы противъ предполагаемаго врага, приготовленіе войнъ, при которыхъ народы позволяютъ своимъ руководителямъ располагать ими, какъ скотомъ, ведомымъ на бойню, какъ будто и не подозрѣвая того, что жизнь каждаго человѣка есть его личная собственность.

Обитатели этой странной планеты всѣ воспитаны въ убѣжденіи, что есть народы, границы, знамена, и всѣ имѣютъ такое слабое сознаніе человѣчности, что это чувство совершенно исчезаетъ передъ представленіемъ отечества... Правда, что если бы мыслящіе люди сумѣли согласиться, это положеніе измѣнилось бы, такъ какъ лично никто не желаетъ войны... Но есть такія политическія сцѣпленія, вслѣдствіе которыхъ могутъ существовать милліоны паразитовъ.

Фламмаріонъ.

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различныя дѣятельности человѣческія, то нельзя воздержаться отъ слѣдующаго печальнаго размышленія: сколько тратится жизней для продолженія на землѣ царства зла, и какъ этому злу содѣйствуетъ больше всего учрежденіе постоянныхъ армій.

Удивленіе и чувство печали увеличиваются еще при мысли о томъ, что все это ненужно, и что это зло, принимаемое такъ благодушно огромнымъ большинствомъ людей, происходитъ только отъ ихъ глупости, только оттого, что они позволяютъ относительно малому числу людей искусныхъ и развращенныхъ эксплуатировать себя.

Патрисъ Ларрокъ.

Удивительно, до какой степени, благодаря дипломатіи и журналамъ, можетъ самое ничтожное несогласіе превратиться въ священную войну. Когда Англія и Франція объявили войну Россіи въ 1856 году, то это произошло по такому ничтожному обстоятельству, что надо долго рыться въ дипломатическихъ архивахъ, чтобы понять эту причину. А вмѣстѣ съ тѣмъ по-

слѣдствіями этого страннаго недоразумѣнія была смерть 500 тысячъ добрыхъ людей и израсходованіе отъ 5 до 6 милліардовъ.

Въ сущности, причины были, но такія, въ которыхъ не признаются. Наполеонъ III хотѣлъ посредствомъ союза съ Англіей и счастливой войны утвердить свою, преступнаго происхожденія власть; русскіе хотѣли захватить Константинополь; англичане хотѣли утвердить могущество своей торговли и помѣшать вліянію русскихъ на Востокѣ. Подъ однимъ или другимъ видомъ это всегда тотъ же духъ завоеванія.

Ришe.

Можетъ-ли быть что-нибудь нелѣпѣе того, что человѣкъ имѣетъ право убить меня, потому что онъ живетъ на той сторонѣ рѣки, и что его государь въ ссорѣ съ моимъ, хотя я и не ссорился съ нимъ.

Паскаль.

Спросите у бросившаго старыхъ родителей, жену, дѣтей солдата-рядового, ефрейтора, унтеръ офицера, зачѣмъ онъ готовится убивать неизвѣстныхъ ему людей, онъ сначала удивится вашему вопросу. Онъ солдатъ, присягалъ и долженъ исполнять приказанія начальства. Если же вы скажете ему, что война, т. е. убійство людей, не сходится съ заповѣдью „не убій“, то онъ скажетъ: А какъ же, коли на нашихъ нападаютъ? За царя, за вѣру православную. — Одинъ на мой вопросъ сказалъ мнѣ: А какъ же, коли онъ на святыню нападетъ? — На какую? — На знамя. — Если же вы попытаетесь объяснить такому солдату, что заповѣдь Бога важнѣе не только знамени, но всего на свѣтѣ, то онъ замолчитъ или разсердится и донесетъ начальству.

Спросите офицера, генерала, зачѣмъ онъ идетъ на войну, — онъ скажетъ вамъ, что онъ военный, а что военные необходимы для защиты отечества. То же, что убійство не сходится съ духомъ христіанскаго закона, не смущаетъ его, потому что онъ или не вѣритъ въ этотъ законъ, или, если и вѣритъ, то не въ самый законъ, а въ то разъясненіе, которое дано этому закону. Главное же то, что онъ такъ

же, какъ и солдатъ, на мѣсто вопроса личнаго, что ему дѣлать, всегда подставляетъ вопросъ общій о государствѣ, отечествѣ. — Въ теперешнее время, когда отечество въ опасности, надо дѣйствовать, а не разсуждать, — скажетъ онъ.

Спросите дипломатовъ, которые своими обманами подготавливаютъ войны, зачѣмъ они дѣлаютъ это, они скажутъ вамъ, что цѣль ихъ дѣятельности въ установленіи мира между народами и что цѣль эта достигается не идеальными, неосуществимыми теоріями, а дипломатической дѣятельностью и готовностью къ войнѣ. И точно такъ же, какъ военные, вмѣсто вопроса о своей жизни, поставятъ вопросъ общій, такъ и дипломаты будутъ говорить объ интересахъ Россіи, о недобросовѣстности другихъ державъ, объ европейскомъ равновѣсіи, а не о своей жизни и дѣятельности.

Спросите журналистовъ, зачѣмъ они своими писаніями возбуждаютъ людей къ войнѣ, — они скажутъ, что войны вообще необходимы и полезны, въ особенности же теперешняя война, и подтвердятъ это свое мнѣніе неяснымі, патріотическими фразами и точно такъ же, какъ военные и дипломаты, на вопросъ о томъ, почему онъ, журналистъ, опредѣленная личность, живой человѣкъ, поступаетъ извѣстнымъ образомъ, будутъ говорить объ общихъ интересахъ народа, государствѣ, цивилизаціи, бѣлой расѣ.

Точно такъ же объяснятъ свое участіе въ дѣлѣ войны всѣ подготовители ея. Они, пожалуй, согласны въ томъ, что желательно было бы уничтожить войну, но теперь это невозможно, теперь они, какъ русскіе и какъ люди, занимающіе извѣстныя положенія предводителя, земца, врача, дѣятеля Краснаго Креста, призваны дѣйствовать, а не разсуждать. Некогда разсуждать и о себѣ думать, скажутъ они, когда есть великое, общее дѣло.

То же скажетъ кажущійся виновникомъ всего дѣла царь. Онъ такъ же, какъ солдатъ, удивится вопросу о

томъ нужна ли теперь война. Онъ не допускаетъ даже мысли о томъ, что можно было бы теперь прекратить войну. Онъ скажетъ, что онъ не можетъ не исполнять того, что̀ требуетъ отъ него весь народъ, что, хотя онъ и признаетъ войну великимъ зломъ и употреблялъ и готовъ употреблять всѣ средства для уничтоженія ея, въ данномъ случаѣ онъ не могъ не объявить ея и не можетъ не продолжать ея. Это необходимо для блага и величія Россіи.

Всѣ эти люди на вопросъ о томъ, почему онъ, такой-то, Иванъ, Петръ, Николай, признавая для себя обязанность христіанскаго закона, запрещающаго не только убійство ближняго, но требующаго любви къ нему, служенія ему, позволяютъ себѣ участіе въ войнѣ, т. е. въ насиліи, въ грабежѣ, убійствѣ, — одинаково всегда отвѣтятъ тѣмъ, что поступаютъ они такъ во имя или отечества, или вѣры, или присяги, или чести, или цивилизаціи, или будущаго блага всего человѣчества, вообще чего-то отвлеченнаго и неопредѣленнаго. Кромѣ того всѣ эти люди всегда такъ усиленно заняты или приготовленіями къ войнѣ, или распоряженіями, или разсужденіями о ней, что въ свободное время могутъ только отдыхать отъ своихъ трудовъ и не имѣютъ времени заниматься разсужденіями о своей жизни, которыя они считаютъ праздными.

V.

Мысль съ ужасомъ останавливается передъ неизбѣжно ожидающей насъ въ концѣ вѣка катастрофой, и надо приготавливаться къ ней. Въ продолженіе 20 лѣтъ (теперь уже болѣе 40), всѣ усилія знанія истощаются на то, чтобы изобрѣтать орудія разрушенія, и скоро будетъ достаточно нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы уничтожить цѣлую армію; подъ ружьемъ теперь уже не такъ, какъ прежде, нѣсколько тысячъ продажныхъ бѣдняковъ, но народы, цѣлые народы готовятся убивать другъ друга. Для того, чтобы приготовить ихъ къ убійству, разжигаютъ ихъ ненависть, увѣряя ихъ, что они ненавидимы, и кроткіе люди вѣрятъ этому, и вотъ-вотъ толпы мирныхъ гражданъ,

получивъ нелѣпое приказаніе убивать другъ друга, Богъ знаетъ изъ за какого смѣшного распредѣленія границъ или какихъ-нибудь торговыхъ, колоніальныхъ интересовъ, бросятся другъ на друга съ жестокостью дикихъ звѣрей.

И пойдутъ они какъ бараны на бойню, зная куда они идутъ, зная, что они оставляютъ своихъ женъ, что дѣти ихъ будутъ голодать, но они будутъ идти, до такой степени опьяненные звучными и лживыми словами, до такой степени обманутые, что воображая, что бойня составляетъ ихъ обязанность, будутъ просить Бога благословить ихъ кровавыя дѣла. И будутъ они идти, растаптывая урожаи, которые они сѣяли, сжигая города, которые они строили, съ восторженнымъ пѣніемъ, криками радости, праздничной музыкой, будутъ идти безъ возмущенія, покорные и смиренные, несмотря на то, что въ нихъ сила, и что, если бы они могли согласиться, они установили бы здравый смыслъ и братство вмѣсто дикихъ хитростей дипломатовъ.

Э. Родъ.

Очевидецъ разсказываетъ, что онъ въ нынѣшнюю русско-японскую войну увидалъ, войдя на палубу Варяга. Зрѣлище было ужасно. Вездѣ кровь, обрывки человѣческаго мяса, туловища безъ головъ, оторванныя руки, запахъ крови, отъ котораго тошнило самыхъ привычныхъ. Боевая башня болѣе всѣхъ пострадала. Гранату разорвало на ея вершинѣ и убило молодого офицера, который руководилъ наводкой. Отъ несчастнаго осталась только сжатая рука, державшая инструментъ; изъ четырехъ людей, бывшихъ съ командиромъ, два были разорваны въ куски, два другіе сильно ранены (это тѣ, о которыхъ я разсказывалъ, и которымъ отрѣзали обѣ ноги и потомъ должны были еще разъ отрѣзать ихъ); командиръ отдѣлался ударомъ осколка въ високъ.

И это не все. Нейтральные не могутъ принять на свои пароходы раненыхъ, потому что гангрена и горячка заразительны.

Гангрена и гнойныя, госпитальныя зараженія составляютъ вмѣстѣ съ голодомъ, пожаромъ, разореніями, болѣзнями, тифомъ, осной тоже часть военной славы, — такова война.

А между тѣмъ Жозефъ Местръ такъ воспѣвалъ благодѣянія войны: «Когда человѣческая душа, вслѣдствіе изнѣженности, теряетъ свою упругость, становится невѣрующей и усваиваетъ гнилостные пороки, которые слѣдуютъ за излишками цивилизаціи, она можетъ быть возстановлена только въ крови.»

Господинъ Вогюэ, академикъ, такъ же какъ и Г. Брюнетьеръ, говорятъ почти то же самое.

Но бѣдняки, изъ которыхъ дѣлается пушечное мясо, имѣютъ право не соглашаться съ этимъ.

Къ несчастью, они не имѣютъ мужества своихъ убѣжденій.

Отъ этого все зло. Привыкнувъ издавна позволять убивать себя ради вопросовъ, которые они не понимаютъ, они продолжаютъ это дѣлать, воображая, что все идетъ очень хорошо.

Отъ этого-то теперь тамъ лежатъ трупы, которые подъ водой поѣдаютъ морскіе раки.

Въ то время, когда картечь разбивала все вокругъ нихъ, едва-ли они рады были думать, что все это дѣлается для ихъ блага, чтобы возстановить душу ихъ современниковъ, потерявшую свою упругость отъ излишка цивилизаціи.

Несчастные вѣроятно не читали Жозефа Местра. Я совѣтую раненымъ читать его между двумя перевязками.

Они узнаютъ, что война такъ же необходима, какъ и палачъ, потому что, какъ и онъ, она есть проявленіе справедливости Бога.

И эта великая мысль будетъ служить имъ утѣшеніемъ въ то время, когда пила хирурга будетъ распиливать ихъ кости.

Hardouin.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» я прочла разсужденіе о томъ, что выгода Россіи въ томъ, что у нея неистощимый человѣческій матеріалъ.

Для дѣтей, у которыхъ убьютъ — отца, у жены — мужа, у матери — сына, матеріалъ этотъ истощается скоро.

(Изъ частнаго письма русской матери).

Мартъ, 1904 г.

Вы спрашиваете, необходима-ли *еще* война между цивилизованными народами. Я отвѣчаю: не только *уже* не необходима, но никогда и не была необходима, никогда. Она всегда нарушала правильное историческое развитіе человѣчества, нарушала право, задерживала прогрессъ.

Если послѣдствія войнъ иногда и бывали выгодны для общей цивилизаціи, то вредныхъ послѣдствій было гораздо больше. Мы обманываемся потому, что только часть вредныхъ послѣдствій тотчасъ же очевидна. Большая часть ихъ, и самыхъ важныхъ, незамѣтны намъ. И потому мы не можемъ допустить слово «еще». Допущеніе этого слова даетъ право защитникамъ войны утверждать, что споръ между нами, есть дѣло только временнаго соотвѣтствія и личной оцѣнки, и разногласіе наше тогда сведется къ тому, что мы считаемъ войну безполезной, тогда какъ они считаютъ ее еще полезной. Они охотно согласятся съ нами, съ такой постановкой вопроса и скажутъ, что война дѣйствительно можетъ сдѣлаться безполезной и даже вредной, но только завтра, но не нынче; нынче же они считаютъ нужнымъ произвести надъ народомъ тѣ страшныя кровопусканія, называемыя войнами, которыя совершаются только для удовлетворенія личнаго честолюбія самаго малаго меньшинства.

Потому что такова была, и такова теперь, единственная причина войнъ: власть, почести, богатства малаго числа людей въ

ущербъ массамъ, естественное легковѣріе которыхъ и предразсудки, вызываемые и поддерживаемые этимъ меньшинствомъ, даютъ эту возможность.

Гастонъ Мохъ.

Люди нашего христіанскаго міра и нашего времени подобны человѣку, который, пропустивъ настоящую дорогу, чѣмъ дальше ѣдетъ, тѣмъ все больше и больше убѣждается въ томъ, что ѣдетъ не туда, куда надобно. И чѣмъ больше онъ сомнѣвается въ вѣрности пути, тѣмъ быстрѣе и отчаяннѣе гонитъ по немъ, утѣшаясь мыслью, что куда-нибудь да выѣдетъ. Но приходитъ время, когда становится совершенно ясно, что путь, по которому онъ ѣдетъ, никуда не приведетъ, кромѣ какъ къ пропасти, которую онъ начинаетъ уже видѣть передъ собой.

Въ такомъ положеніи находится теперь христіанское человѣчество нашего времени. Вѣдь совершенно очевидно, что, если мы будемъ продолжать жить такъ же, какъ теперь, руководясь, какъ въ частной жизни, такъ и въ жизни отдѣльныхъ государствъ однимъ желаніемъ блага себѣ и своему государству, и будемъ, какъ теперь, обезпечивать это благо насиліемъ, то, неизбѣжно увеличивая средства насилія другъ противъ друга и государства противъ государства, мы, во-первыхъ, будемъ все больше и больше разоряться, перенося бо̀льшую часть своей производительности на вооруженіе; во-вторыхъ, убивая въ войнахъ другъ противъ друга физически лучшихъ людей, будемъ все болѣе и болѣе вырождаться и нравственно падать и развращаться.

Что это такъ будетъ, если мы не измѣнимъ нашей жизни, это такъ же вѣрно, какъ математически вѣрно то, что двѣ непараллельныя линіи должны встрѣтиться. Но мало того, что это теоретически вѣрно, въ наше время это становится вѣрно уже не для одного разсудка, но и для чувства. Пропасть, къ которой мы идемъ, уже становится видна намъ, и самые простые, не философствующіе, неученые

люди не могутъ не видѣть того, что, все больше и больше вооружаясь другъ противъ друга и истребляя другъ друга на войнахъ, мы, какъ пауки въ банкѣ, ни къ чему иному не можемъ придти, какъ только къ уничтоженію другъ друга.

Искреннему, серіозному, разумному человѣку нельзя уже утѣшать себя мыслью о томъ, что дѣло можетъ исправить, какъ это думали прежде, всемірная монархія Рима, Карла Великаго, Наполеона, средневѣковая духовная власть папы, или священные союзы, или политическое равновѣсіе европейскаго концерта и мирныя, международныя судилища, или, какъ думали нѣкоторые, увеличеніе военныхъ силъ и вновь изобрѣтенныя могущественныя орудія истребленія.

Устроить всемірную монархію или республику съ европейскими штатами невозможно, потому что различные народы никогда не захотятъ соединиться въ одно государство. Устроить международныя судилища для рѣшенія международныхъ споровъ? Но кто же заставитъ подчиниться рѣшенію судилища тяжущагося, у котораго подъ ружьемъ милліоны войска? Разоружиться? Никто не хочетъ и не можетъ начинать. Придумать еще болѣе ужасныя средства истребленія: баллоны съ начиненными удушливыми газами бомбами, снарядами, которыми люди будутъ посылать другъ друга? Что бы ни придумали, всѣ государства заведутся такими же орудіями истребленія, пушечное же мясо, какъ послѣ холоднаго оружія шло подъ пули и послѣ пуль покорно шло подъ гранаты, бомбы, дальнобойныя орудія, картечницы, мины, пойдетъ и подъ высыпаемыя изъ баллоновъ бомбы, начиненныя удушливыми газами.

Ничто очевиднѣе рѣчей господина Муравьева и профессора Мартенса о томъ, что японская война не противорѣчитъ Гаагской конференціи мира, ничто очевиднѣе этихъ рѣчей не показываетъ, до какой степени среди нашего міра извращено орудіе передачи мысли — слово, и совершенно потеряна спо-

собность яснаго, разумнаго мышленія. Мысль и слово употребляются не на то, чтобы служить руководствомъ человѣческой дѣятельности, а на то, чтобы оправдывать всякую дѣятельность, какъ бы она ни была преступна. Послѣдняя бурская война и теперь японская, которая всякую минуту можетъ перейти во всеобщую бойню, безъ малѣйшаго сомнѣнія доказали это. Всѣ антимилитаристическія разсужденія такъ же мало могутъ содѣйствовать прекращенію войны, какъ самые краснорѣчивые, убѣдительные, обращенные къ грызущимся собакамъ доводы о томъ, что имъ выгоднѣе раздѣлить тотъ кусокъ мяса, за который они грызутся, чѣмъ перекусать другъ друга и лишиться куска мяса, который унесетъ прохожая, неучаствующая въ дракѣ собака.

Мы разогнались къ пропасти и не можемъ остановиться и летимъ въ нее.

Для всякаго разумнаго человѣка, думающаго о томъ положеніи, въ которомъ находится теперь человѣчество, и о томъ, къ которому оно неизбѣжно приближается, не можетъ не быть очевидно, что практическаго выхода изъ этого положенія нѣтъ никакого, что нельзя придумать никакого такого устройства, учрежденія, которое спасло бы насъ отъ той погибели, къ которой мы неудержимо стремимся.

Не говоря уже объ экономическихъ, не разрѣшимыхъ и все усложняющихся и усложняющихся опасностяхъ, взаимныя отношенія вооружающихся другъ противъ друга державъ, всякую минуту готовыя разразиться и разражающіяся войнами, ясно указываютъ на ту неизбѣжную гибель, къ которой влечется все такъ называемое цивилизованное человѣчество.

Такъ что же дѣлать?

VI.

Заканчивая свою миссію, Іисусъ установилъ основанія новаго общества. До него народы принадлежали одному или многимъ *господамъ*, какъ стада принадлежатъ своимъ хозяевамъ... Князья

и сильные давили народъ всей тяжестью своей гордости и корыстолюбія. Іисусъ кладетъ конецъ этому неустройству, поднимаетъ согбенныя головы, освобождаетъ рабовъ. Онъ научаетъ ихъ тому, что, будучи равными передъ Богомъ, люди свободны другъ передъ другомъ, что никто не можетъ имѣть самъ по себѣ власти надъ своими братьями, что равенство и свобода — божественные законы человѣческаго рода — ненарушаемы; что власть не можетъ быть правомъ, что въ общественномъ устройствѣ она есть должность, служеніе, нѣкотораго рода рабство, свободно принятое на себя въ виду общаго блага. Таково общество, которое устанавливаетъ Іисусъ. Это-ли мы видимъ въ мірѣ? Это-ли ученіе царствуетъ на землѣ? Слуги или господа князья народовъ въ нашемъ мірѣ? Въ продолженіе 18 вѣковъ поколѣніе за поколѣніемъ передаютъ другъ другу ученіе Христа и говорятъ, что вѣрятъ въ него; а что же измѣнилось въ мірѣ? Народы, раздавленные и страдающіе, всѣ ждутъ обѣщаннаго освобожденія, и не отъ того, чтобы слово Христа было невѣрно или недѣйствительно, но отъ того, что народы или не поняли, что осуществленіе ученія должно совершиться ихъ собственными усиліями, ихъ твердой волей, или, заснувши въ своемъ униженіи, не сдѣлали того одного, что даетъ побѣду, — не готовы были умереть за истину. Но они проснутся. Уже что-то шевелится среди нихъ; они слышатъ уже голосъ, который говоритъ: спасеніе близко.

Ламенэ.

Нельзя не признать того, что XIX вѣкъ стремится ступить на новый путь. Люди этого вѣка начинаютъ понимать, что должны существовать законы и суды и для народовъ, и что преступленія народа противъ народа, хотя и совершаемыя въ великихъ размѣрахъ, не менѣе ненавистны, чѣмъ преступленія человѣка противъ человѣка.

Кетлэ.

Всѣ люди одного происхожденія, подлежатъ одному закону и всѣ предназначены къ одной цѣли.

И потому у васъ должна быть одна вѣра, одна цѣль поступковъ, одно знамя, подъ которымъ всѣ должны сражаться. Поступки, слезы и мученичество есть общій всему человѣчеству языкъ, который понимаютъ всѣ.

Іосифъ Мадзини.

... Нѣтъ, призываю въ свидѣтели возмущеніе совѣсти всякаго человѣка, который видѣлъ, какъ текла кровь его согражданъ, или былъ причиной этого, что недостаточно одной головы, чтобы нести тяжесть столькихъ убійствъ. Надо бы было столько же головъ, сколько есть сражающихся. Для того, чтобы быть ос-

вѣтственными за законъ крови, который они устанавливаютъ, нужно бы было, чтобы они по крайней мѣрѣ понимали его. Но лучшія учрежденія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, будутъ все-таки только временными, потому что, повторяю еще разъ, арміи и война должны кончиться; несмотря на слова софиста, котораго я опровергалъ въ другомъ мѣстѣ, неправда, чтобы война даже противъ чужеземца была *священна*, неправда, чтобы земля *алкала крови*. Война проклята Богомъ и даже тѣми людьми, которые въ ней участвуютъ, и которые испытываютъ отъ нея тайный ужасъ. Земля же проситъ у неба воды своихъ рѣкъ и чистой росы ея облаковъ.

Альфредъ де-Виньи.

Человѣкъ такъ же мало сотворенъ для того, чтобы принуждать, какъ и для того, чтобы повиноваться. Люди взаимно портятся отъ этихъ двухъ привычекъ. Тутъ одуреніе, тамъ наглость, и нигдѣ истиннаго человѣческаго достоинства.

Консидеранъ.

Если бы мои солдаты начали думать, ни одинъ не остался бы въ войскѣ.

Фридрихъ II.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ Іоаннъ Креститель и за нимъ Христосъ говорили людямъ: „исполнилось время и приблизилось царство Божіе, одумайтесь (μετανοεῖτε) и вѣруйте въ Евангеліе“ (Марка I, 15). И „если не одумаетесь, всѣ погибнете“ (Луки XIII, 5).

Но люди не послушали его. И та погибель, которую онъ предсказывалъ, уже близка. И мы, люди нашего времени, не можемъ не видѣть ея. Мы погибаемъ уже; и потому не можемъ пропустить мимо ушей того, стараго по времени, но новаго для насъ средства спасенія. Мы не можемъ не видѣть того, что кромѣ всѣхъ другихъ бѣдствій, проистекающихъ изъ нашей дурной, неразумной жизни, одни военныя приготовленія и неизбѣжныя, вслѣдствіе нихъ, войны неминуемо должны погубить насъ. Мы не можемъ не видѣть, что всѣ придумываемыя людьми практическія средства избавленія отъ этихъ золъ оказываются и должны оказываться безсильными, и что бѣдственность положенія народовъ, вооружающихся

другъ противъ друга, не можетъ не идти все усиливаясь и усиливаясь. И потому слова Христа, больше чѣмъ когда-нибудь и къ кому-нибудь, относятся къ намъ и нашему времени.

Христосъ говорилъ: одумайтесь, т. е. каждый человѣкъ остановись въ своей начатой дѣятельности и спроси себя: кто ты? откуда ты взялся и въ чемъ твое назначеніе? И, отвѣтивъ на эти вопросы, соотвѣтственно отвѣту рѣши, свойственно ли твоему назначенію то, что ты дѣлаешь. И стоитъ только каждому человѣку нашего міра и времени, т. е. человѣку, знающему сущность христіанскаго ученія, на минуту остановиться въ своей дѣятельности, забыть то, чѣмъ его считаютъ люди: императоромъ, солдатомъ, министромъ, журналистомъ, и серіозно спросить себя: кто онъ и въ чемъ его назначеніе, — чтобы усумниться въ полезности, законности, разумности своей дѣятельности. Прежде, чѣмъ я императоръ, солдатъ, министръ, журналистъ, — долженъ отвѣтить себѣ всякій человѣкъ нашего времени и христіанскаго міра, — прежде всего я человѣкъ, т. е. ограниченное существо, посланное высшей волей въ безконечный по времени и пространству міръ для того, чтобы — пробывъ въ немъ мгновенье — умереть, т. е. исчезнуть изъ него. И потому всѣ тѣ личныя, общественныя и даже общечеловѣческія цѣли, которыя я могу ставить себѣ, и которыя ставятъ мнѣ люди,—вслѣдствіе краткости моей жизни, также какъ и вслѣдствіе безконечности жизни міра, всѣ ничтожны и должны быть подчинены той высшей цѣли, для достиженія которой я посланъ въ міръ. Конечная цѣль эта, вслѣдствіе моей ограниченности, недоступна мнѣ, но она есть (какъ должна быть цѣль всего существующаго), и мое дѣло въ томъ, чтобы быть орудіемъ ея, т. е. назначеніе мое въ томъ, чтобы быть работникомъ Бога, исполнять Его дѣло. И понявъ такъ свое назначеніе, всякій человѣкъ нашего міра и времени, отъ императора до сол-

дата, не можетъ не посмотрѣть иначе на тѣ о
занности, которыя онъ самъ или люди наложили
него.

Прежде, чѣмъ меня короновали, признали импера
торомъ, — долженъ сказать себѣ императоръ, —
прежде, чѣмъ я обязался исполнять свои обязанно
сти главы государства, я тѣмъ самымъ, что живу
обѣщался исполнить то, чего требуетъ отъ меня т
высшая воля, которая послала меня въ жизнь. Тре
бованія эти я не только знаю, но чувствую въ сво
емъ сердцѣ. Они состоятъ въ томъ, какъ это вы
ражено въ христіанскомъ законѣ, который я исповѣ
дую, чтобы я покорялся волѣ Бога и исполнялъ то
чего она хочетъ отъ меня, любилъ бы ближняго
служилъ ему, поступалъ бы съ нимъ, какъ я хочу
чтобы поступали со мной. То ли я дѣлаю, упра
вляя людьми, предписывая насилія, казни и само
ужасное дѣло — войны?

Люди говорятъ мнѣ, что я долженъ дѣлать эт
Богъ же говоритъ, что я долженъ дѣлать совершенн
другое. И потому, сколько бы мнѣ ни говорили
что я, какъ глава государства, долженъ руководит
насиліями, сборами податей, казнями и, главно
войной, т. е. убійствомъ ближняго, я не хочу и н
могу этого дѣлать.

И то же самое долженъ сказать себѣ солдатъ, к
торому внушено, что онъ долженъ убивать людей,
министръ, считавшій своей обязанностью приготов
ленія къ войнѣ, и журналистъ, возбуждающій к
войнѣ, и всякій человѣкъ, задавшій себѣ вопросъ
томъ, что̀ онъ такое, въ чемъ его назначеніе в
жизни. А какъ только глава государства переста
нетъ распоряжаться войной, солдатъ перестанет
воевать, министръ готовить средства къ войнѣ, жур
налистъ возбуждать къ ней, такъ безъ всякихъ н
выхъ учрежденій, приспособленій, равновѣсія, суд
лищъ, само собою уничтожится то безвыходное п
ложеніе, въ которое поставили себя люди не толь

по отношенію къ войнѣ, но и ко всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя они сами наносятъ себѣ.

Такъ что, какъ ни странно это кажется, самое вѣрное и несомнѣнное избавленіе людей отъ всѣхъ бѣдствій, которыя они сами наносятъ себѣ, и отъ самаго ужаснаго изъ нихъ, отъ войны, достигается не какими-либо внѣшними общими мѣрами, а только тѣмъ простымъ обращеніемъ къ сознанію каждаго отдѣльнаго человѣка, которое 1900 лѣтъ тому назадъ предлагалъ Христосъ, — тѣмъ, чтобы каждый человѣкъ одумался, спросилъ себя: кто онъ? зачѣмъ онъ живетъ, и что̀ ему должно и что̀ не должно дѣлать?

VII.

Существуетъ распространенное мнѣніе, что религія не составляетъ постояннаго элемента человѣческой природы. Многіе говорятъ намъ, что это только одинъ изъ фазисовъ мысли и чувства, свойственный людямъ въ ранній и сравнительно некультурный періодъ жизни людей; что это нѣчто такое, изъ чего человѣкъ постепенно выростаетъ и что̀ онъ долженъ оставить позади себя.

Мы можемъ смотрѣть спокойно на этотъ вопросъ, потому что если религія есть только суевѣріе, то очевидно мы должны вырости изъ нея. Если же религія свойственна высшей и лучшей человѣческой жизни, то христіанское изслѣдованіе этого вопроса должно показать намъ это. Если вы на каждой монетѣ находите отпечатокъ, и отпечатокъ этотъ одинъ и тотъ же, то вы должны быть увѣрены, несомнѣнно убѣждены, что то, что̀ кладетъ отпечатокъ на каждую монету, есть нѣчто дѣйствительно существующее. Такъ что вездѣ, гдѣ вы находите всеобщее и постоянное характеристическое свойство въ человѣческой природѣ или природѣ какого-либо другого существа, вы можете быть совершенно увѣрены, что въ мірѣ есть нѣчто соотвѣтствующее этому, что̀ вызвало это свойство. Вы находите человѣка всегда и вездѣ религіознымъ существомъ. Вы находите его вездѣ вѣрующимъ въ то, что его окружаетъ невѣдомый міръ. На основаніи какой бы теоріи вы ни смотрѣли на весь міръ, міръ сдѣлалъ насъ тѣмъ, что̀ мы есмы, и если міръ не есть обманъ, то и то, что̀ соотвѣтствуетъ этому міру въ насъ, — есть тоже дѣйствительность, потому что дѣйствительный міръ вызвалъ въ насъ эти свойства.

Саведжъ.

Религія есть высшій и благороднѣйшій дѣятель въ воспитаніи человѣка, величайшая сила цивилизаціи; между тѣмъ какъ внѣшнія проявленія вѣры и политическая эгоистическая дѣятельность суть главныя препятствія прогресса человѣчества. Дѣятельность и духовенства и государства противоположны религіи. Наше изслѣдованіе показало, что сущность религіи, вѣчная и божественная, одинаково наполняетъ сердце человѣка вездѣ, гдѣ только оно чувствуетъ и бьется. Логическій выводъ нашихъ изслѣдованій указываетъ намъ на единую основу всѣхъ великихъ религій, на единое ученіе, развивающееся съ самаго начала жизни человѣчества до настоящаго дня...

Въ глубинѣ всѣхъ вѣръ течетъ потокъ единаго, вѣчнаго откровенія, *единой религіи* слова Божьяго, обращеннаго къ человѣку.

Пускай парсы носятъ свои таавиды, евреи свои филактеріи, христіане свой крестъ, мусульмане свой полумѣсяцъ, но пусть всѣ они помнятъ, что это только формы и эмблемы, тогда какъ основная сущность всѣхъ религій — любовь къ ближнему — одинаково требуется Ману, Зороастромъ, Буддой, Моисеемъ, Сократомъ, Гиллелемъ, Іисусомъ, Павломъ, Магометомъ.

Морисъ Флюгель.

Ни одно общество не можетъ существовать безъ общей вѣры и общей цѣли; политическая дѣятельность есть приложеніе, религія устанавливаетъ принципъ. Гдѣ нѣтъ этой общей вѣры, тамъ править воля большинства, состоящая въ постоянной перемѣнчивости и въ угнетеніи остальныхъ. Безъ Бога можно принуждать людей, но нельзя убѣдить. Безъ Бога большинство будетъ тираномъ, а не воспитателемъ людей...

То, что намъ нужно, что нужно народу, то, чего требуетъ нашъ вѣкъ для того, чтобы найти выходъ изъ той грязи эгоизма, сомнѣнія и отрицанія, въ которые онъ погруженъ — это вѣра, въ которой наши души могли бы перестать блуждать въ отыскиваніи личныхъ цѣлей, могли бы всѣ идти вмѣстѣ, признавая одно происхожденіе, одинъ законъ, одну цѣль. Всякая сильная вѣра, которая возникнетъ на развалинахъ старыхъ, изжитыхъ вѣрованій, измѣняетъ существующій общественный порядокъ, такъ какъ каждая сильная вѣра неизбѣжно прилагается ко всякой отрасли человѣческой дѣятельности...

Человѣчество повторяетъ въ различныхъ формулахъ и различныхъ степеняхъ слова молитвы Господней: «да пріидетъ царство Твое на землѣ, какъ и на на небѣ.»

Мадзини.

Человѣкъ можетъ разсматривать себя, какъ животное среди животныхъ, живущихъ сегодняшнимъ днемъ, онъ можетъ разсматривать себя и какъ члена семьи и какъ члена общества, народа, живущаго вѣками, можетъ, и даже непремѣнно долженъ,

(потому что къ этому неудержимо влечетъ его разумъ), разсматривать себя какъ часть всего безконечнаго міра, живущаго безконечное время. И потому разумный человѣкъ всегда устанавливаетъ, кромѣ отношенія къ ближайшимъ явленіямъ жизни, свое отношеніе ко всему безконечному по времени и пространству и потому непостижимому для него міру, понимая его какъ одно цѣлое. И такое установленіе отношенія человѣка къ тому непостижимому цѣлому, котораго онъ чувствуетъ себя частью и изъ котораго онъ выводитъ руководство въ своихъ поступкахъ, и есть то, что̀ называлось и называется религіей. И потому религія всегда была и не можетъ перестать быть необходимостью и неустранимымъ условіемъ въ жизни разумнаго человѣка и разумнаго человѣчества.

Истинная религія есть такое установленное человѣкомъ отношеніе къ окружающей его безконечной жизни, которое связываетъ его жизнь съ этой безконечностью и руководитъ его поступками.

Л. Толстой.

Религія (разсматриваемая объективно) есть признаніе всѣхъ нашихъ обязанностей заповѣдями Бога.

Есть только одна истинная религія, хотя можетъ быть много разныхъ вѣръ.

Кантъ.

Зло, отъ котораго страдаютъ люди нашего времени, происходитъ отъ того, что большинство ихъ живетъ безъ того, что̀ одно даетъ разумное руководство человѣческой дѣятельности — безъ религіи, не той религіи, которая состоитъ въ вѣрѣ въ догматы, въ исполненіе обрядовъ, доставляющихъ пріятное развлеченіе, утѣшеніе, возбужденіе, а той религіи, которая устанавливаетъ отношеніе человѣка ко Всему, къ Богу, и потому даетъ общее высшее направленіе всей дѣятельности человѣческой, безъ которой люди становятся на уровень животныхъ и даже ниже ихъ. Зло это, ведущее людей къ неизбѣжной погибели, проявилось съ особенной силой въ наше время, потому что, утративъ разумное руководство въ жизни и направивъ всѣ свои усилія на открытія и усовершенствованія въ области знаній преимуще-

ственно прикладныхъ, люди нашего времени выработали себѣ огромную власть надъ силами природы; не имѣя же руководства для разумнаго приложенія этой власти, они естественно стали употреблять ее на удовлетвореніе своихъ самыхъ низкихъ, животныхъ побужденій.

Лишенные религіи люди, обладая огромной властью надъ силами природы, подобны дѣтямъ, которымъ дали бы для игры порохъ, или гремучій газъ. Глядя на то могущество, которымъ пользуются люди нашего времени, и на то, какъ они употребляютъ его, чувствуется, что по степени своего нравственнаго развитія люди не имѣютъ права не только на пользованіе желѣзными дорогами, паромъ, электричествомъ, телефонами, фотографіями, безпроволочными телеграфами, но даже простымъ искусствомъ обработки желѣза и стали, потому что всѣ эти усовершенствованія и искусства они употребляютъ только на удовлетвореніе своихъ похотей, на забавы, развратъ и истребленіе другъ друга.

Что же дѣлать? Отбросить всѣ тѣ усовершенствованія жизни, все то могущество, которое пріобрѣло человѣчество? Забыть то, что оно узнало? Невозможно. Какъ ни зловредно употребляются эти умственныя пріобрѣтенія, они все-таки пріобрѣтенія, и люди не могутъ забыть ихъ. Измѣнить тѣ соединенія народовъ, которыя образовались вѣками и установить новыя? Придумать такія новыя учрежденія, которыя помѣшали бы меньшинству обманывать и эксплуатировать большинство? Распространить знанія? Все это испробовано и дѣлается съ большимъ усердіемъ. Всѣ эти мнимые пріемы исправленія составляютъ главное средство самозабвенія, отвлеченія себя отъ сознанія неизбѣжной гибели. Измѣняются границы государствъ, измѣняются учрежденія, распространяются знанія, но люди въ другихъ предѣлахъ, съ другими учрежденіями, съ увеличенными знаніями остаются тѣми же звѣрями,

готовыми всякую минуту разорвать другъ друга, или тѣми рабами, какими всегда были и будутъ, пока будутъ руководиться не религіознымъ сознаніемъ, а страстями, разсудкомъ и посторонними внушеніями.

Человѣку нѣтъ выбора: онъ долженъ быть рабомъ наиболѣе безсовѣстнаго и наглаго, чѣмъ другіе, раба, или—Бога, потому что для человѣка есть только одно средство быть свободнымъ: это соединеніе своей воли съ волей Бога. Лишенные религіи люди, одни, отрицающіе самую религію, другіе, признающіе религіей тѣ внѣшнія, уродливыя формы, которыя замѣнили ее, и руководимые только своими личными похотями, страхомъ, человѣческими законами и, главное, взаимнымъ гипнозомъ, не могутъ перестать быть животными или рабами, и никакія внѣшнія усилія не могутъ вывести ихъ изъ этого состоянія, потому что только религія дѣлаетъ человѣка свободнымъ.

А большинство людей нашего времени лишено ея.

VIII.

Не дѣлай того, что осуждаетъ твоя совѣсть, и не говори того, что несогласно съ правдой. Соблюдай это самое важное и ты исполнилъ всю задачу своей жизни...

Никто не можетъ насиловать твою волю, на нее нѣтъ ни вора, ни разбойника; не желай неразумнаго, желай общаго блага, а не личнаго, какъ бо́льшая часть людей. Задача жизни не въ томъ, чтобы быть на сторонѣ большинства, а въ томъ, чтобы не попасть въ ряды умалишенныхъ...

Помни, что есть Богъ, который хочетъ не хвалы или славы людской отъ людей, созданныхъ имъ по подобію своему, а того, чтобы они, руководясь даннымъ имъ разумѣніемъ, поступками своими уподоблялись ему. Вѣдь смоковница вѣрна своему дѣлу, собака, пчела также. А человѣкъ неужели не исполнитъ своего призванія? Но увы, эти великія святыя истины меркнутъ въ памяти твоей: суета ежедневной жизни, война, неразумный страхъ, немощь духа и привычка быть рабомъ заглушаютъ ихъ...

Вѣтвь, отрѣзанная отъ своего сучка, тѣмъ самымъ отдѣлилась и отъ цѣлаго дерева. Человѣкъ при раздорѣ съ другимъ человѣкомъ отрывается отъ всего человѣчества. Но вѣтвь отсѣкается посторонней рукой, человѣкъ же самъ отчуждаетъ себя отъ ближ-

няго своего ненавистью и злобой, не вѣдая, правда, что онъ тѣмъ самымъ отрываетъ себя отъ всего человѣчества. Но боговѣдство, призвавшее людей, какъ братьевъ, къ жизни общей, одарило ихъ свободой послѣ раздора снова примиряться между собой.

Маркъ Аврелій.

Просвѣщеніе есть выходъ человѣка изъ своего, имъ же самимъ поддерживаемаго ребячества. *Ребячество* состоитъ въ его неспособности пользоваться своимъ разумомъ безъ руководства другого. *Имъ же самимъ поддерживается это ребячество* тогда, когда причина его лежитъ не въ недостаткѣ разума, но въ недостаткѣ рѣшительности и мужества пользоваться имъ безъ руководства другого. Sapere aude.

Имѣй мужество пользоваться собственнымъ разумомъ. Это девизъ просвѣщенія.

Кантъ.

Нужно высвободить ту религію, которую исповѣдовалъ Іисусъ, отъ той религіи, предметъ которой есть Іисусъ. И когда мы узнаемъ состояніе сознанія, составляющее основную ячейку и начало вѣчнаго Евангелія, надо будетъ держаться его.

Какъ жалкія плошки деревенской иллюминаціи или маленькія свѣчи процессіи потухаютъ передъ великимъ чудомъ свѣта солнца, такъ же потухнутъ ничтожныя, мѣстныя, случайныя и сомнительныя чудеса, передъ закономъ жизни духа, передъ великимъ зрѣлищемъ человѣческой исторіи, руководимой Богомъ.

Аміель.

Я признаю слѣдующее положеніе не нуждающимся ни въ какомъ доказательствѣ: все, что человѣкъ думаетъ дѣлать угоднаго Богу, кромѣ доброй жизни, есть только религіозное заблужденіе и суевѣріе.

Кантъ.

Въ сущности есть только одно средство почитанія Бога — это исполненіе своихъ обязанностей и поведеніе сообразно съ законами разума.

Лихтенбергъ.

Но для того, чтобы уничтожилось то зло, отъ котораго мы страдаемъ, скажутъ люди, увлеченные различными житейскими дѣятельностями, необходимо не нѣсколько людей, а чтобы всѣ люди одумались и чтобы, одумавшись, одинаково поняли назначеніе своей жизни въ исполненіи воли Бога и служеніи ближнему.

Возможно-ли это?

Не только возможно, — отвѣчу я, — но невозможно, чтобы этого не было.

Невозможно людямъ не одуматься, т. е. не поставить себѣ каждому человѣку вопросъ о томъ, кто онъ такое и зачѣмъ живетъ, потому что человѣкъ, какъ разумное существо, не можетъ жить, не зная зачѣмъ онъ живетъ, и всегда ставилъ себѣ этотъ вопросъ и всегда по мѣрѣ степени своего развитія отвѣчалъ на него въ религіозномъ ученіи; въ наше же время внутреннее противорѣчіе, въ которомъ чувствуютъ себя люди, съ особенной настоятельностью вызываетъ этотъ вопросъ и требуетъ на него отвѣта. Невозможно же людямъ нашего времени отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, какъ признаніемъ закона жизни въ любви къ людямъ и служеніи имъ, потому что это единственный разумный для нашего времени отвѣтъ о смыслѣ человѣческой жизни, и отвѣтъ этотъ 1900 лѣтъ тому назадъ выраженъ въ христіанской религіи и точно такъ-же извѣстенъ огромному большинству всего человѣчества.

Отвѣтъ этотъ въ скрытомъ состояніи живетъ въ сознаніи всѣхъ людей христіанскаго міра нашего времени, но явно не выражается и не служитъ руководствомъ нашей жизни только потому, что съ одной стороны люди, которые пользуются наибольшимъ авторитетомъ, такъ называемые ученые, находясь въ грубомъ заблужденіи о томъ, что религія есть временная ступень развитія человѣчества, пережитая имъ, и что люди могутъ жить безъ религіи, внушаютъ это заблужденіе начинающимъ образовываться людямъ изъ народа; съ другой стороны, потому что люди, имѣющіе власть, сознательно и часто безсознательно (находясь сами въ заблужденіи о томъ, что церковная вѣра есть христіанская религія) стараются поддерживать и вызывать въ народѣ грубыя суевѣрія, выдаваемыя за христіанскую религію.

Только бы уничтожились эти два обмана, и та

истинная религія, которая въ скрытомъ состояніи уже живетъ въ людяхъ нашего времени, стала бы явной и обязательной.

Для того, чтобы это совершилось, нужно, чтобы съ одной стороны люди ученые поняли, что положеніе о братствѣ всѣхъ людей и правило о дѣланіи другимъ того, чего себѣ хочешь, не есть случайное, одно изъ многихъ человѣческихъ разсужденій, которое можетъ быть подчинено какимъ-либо другимъ соображеніямъ, а есть несомнѣнное, стоящее выше другихъ соображеній положеніе, вытекающее изъ неизмѣннаго отношенія человѣка къ безконечному, къ Богу, и есть религія и вся религія, и потому всегда обязательно.

Съ другой стороны, чтобы тѣ люди, которые сознательно и безсознательно проповѣдуютъ подъ видомъ христіанства грубыя суевѣрія, поняли, что всѣ тѣ догматы, таинства, обряды, которые они поддерживаютъ и проповѣдуютъ, не только не безразличны, какъ они думаютъ, а въ высшей степени вредны, скрывая отъ людей ту единую религіозную истину, которая выражена въ исполненіи воли Бога, братствѣ людей, служеніи людямъ, и что правило о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, не есть одно изъ предписаній христіанской религіи, а вся практическая религія, какъ это и сказано въ Евангеліи.

Для того, чтобы люди нашего времени одинаково поставили себѣ вопросъ о смыслѣ жизни и одинаково отвѣтили на него, нужно только людямъ, считающимъ себя просвѣщенными, перестать думать и внушать другимъ поколѣніямъ, что религія есть атавизмъ, пережитокъ прошедшаго дикаго состоянія, и что для хорошей жизни людей достаточно распространенія образованія, т. е. самыхъ разнообразныхъ знаній, которыя какъ-то приведутъ людей къ справедливости и нравственной жизни; а — понять, что для доброй жизни людей необходима религія, и что религія эта есть

уже и живетъ въ сознаніи людей нашего времени; людямъ же, умышленно и неумышленно одуряющимъ народъ церковными суевѣріями, — перестать дѣлать это и признать, что важно и обязательно въ христіанствѣ не крещеніе, причастіе, исповѣданіе догматовъ и т. п., а только любовь къ Богу и ближнему и исполненіе заповѣди о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, что въ этомъ весь законъ и пророки.

Если бы только поняли это какъ лжехристіане, такъ и люди науки и проповѣдовали бы и дѣтямъ и неученымъ эти простыя, ясныя и нужныя истины такъ же, какъ они проповѣдуютъ теперь свои сложныя, путанныя и ненужныя положенія, всѣ люди одинаково понимали бы смыслъ своей жизни и признавали бы однѣ и тѣ же вытекающія изъ него обязанности.

IX.

Письма крестьянина, отказавшагося отъ военной службы.

1995-го года Октября 15-го дня я былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности. Когда пришла очередь мнѣ тянуть жребій, я сказалъ, что жребія тянуть не буду. Чиновники посмотрѣли на меня, потомъ поговорили другъ съ другомъ и спросили меня, почему я не буду тянуть.

Я отвѣчалъ, что это потому, что я ни присягать, ни ружья брать не буду.

Они сказали, что это дѣло будетъ послѣ, а жребій тянуть надо.

Я опять отказался. Тогда велѣли тянуть старостѣ жребій. Староста вытянулъ; оказался № 674. Записали.

Входитъ воинскій начальникъ, вызываетъ меня въ канцелярію и спрашиваетъ: кто тебя всему этому научилъ, что ты не хочешь присягать?

Я отвѣтилъ: самъ научился, читая Евангеліе.

Онъ говоритъ: не думаю, чтобы ты самъ понялъ такъ Евангеліе, вѣдь тамъ все непонятно; чтобы понимать, для этого надо много учиться.

На это я сказалъ, что Христосъ училъ не мудрости, потому что самые простые, неграмотные люди и тѣ понимали его ученіе.

Тогда онъ сказалъ солдату, чтобы отправилъ меня въ команду. Съ солдатомъ мы пошли на кухню, такъ пообѣдали.

Послѣ обѣда стали спрашивать меня, почему не присягалъ?

Я сказалъ: потому что въ Евангеліи сказано: «Не клянись вовсе.»

Они удивились; потомъ спросили: да развѣ это есть въ Евангеліи? А ну, найди.

Я нашелъ, прочиталъ, они послушали.

— Хотя и есть, а все-таки нельзя не присягать, потому что замучатъ.

Я сказалъ на это: кто погубитъ земную жизнь, тотъ наслѣдуетъ жизнь вѣчную...

20-го числа меня поставили въ рядъ съ другими молодыми солдатами и разсказали намъ солдатскія правила. Я имъ сказалъ, что я ничего этого дѣлать не буду. Они спросили: почему?

Я сказалъ: потому что, какъ христіанинъ, не буду носить оружія и защищаться отъ враговъ, потому что Христосъ велѣлъ любить и враговъ. Они сказали: да развѣ только ты одинъ христіанинъ? Вѣдь мы же всѣ христіане. Я сказалъ: про другихъ я ничего не знаю, знаю только про себя, что Христосъ говорилъ дѣлать то, что я дѣлаю.

Воинскій начальникъ сказалъ: если ты не будешь заниматься, то я тебя сгною въ тюрьмѣ.

На это я сказалъ: что хотите, то и дѣлайте со мной, а служить я не буду...

Сегодня смотрѣла комиссія. Генералъ говоритъ офицерамъ: «Какія убѣжденія находитъ этотъ молокососъ, что отказывается отъ службы? Какіе-нибудь милліоны служатъ, а онъ одинъ отказывается, его выпороть хорошо розгами, тогда онъ оставитъ свои убѣжденія»...

Ольховика отправили на Амуръ. На пароходѣ всѣ говѣли, онъ отказался. Солдаты спрашивали его почему. Онъ объяснилъ. Въ разговоръ вмѣшался солдатъ Кириллъ Середа. Онъ раскрылъ Евангеліе и началъ читать 5-ую главу Матвѣя. Прочитавши, началъ говорить: вотъ Христосъ запрещаетъ клятву, суды и войну, а у насъ все это дѣлается и считается за законное дѣло. Тутъ стояли, столпившись кучей, солдаты и замѣтили, что у Середы нѣтъ на шеѣ креста. Его спросили: а гдѣ твой крестъ?

Онъ говоритъ: въ сундукѣ.

Они опять спрашивали: почему же ты его не носишь на шеѣ?

Онъ говоритъ: потому что я люблю Христа, а потому и не могу носить того орудія, на которомъ распятъ Христосъ.

Потомъ вошли два ефрейтора, стали говорить съ Середой. Они сказали ему: почему же ты говѣлъ недавно, а теперь сбросилъ крестъ?

Онъ отвѣчалъ такъ: потому что я тогда былъ темный, не видѣлъ свѣта, а теперь началъ читать Евангеліе и узналъ, что все это не нужно дѣлать по-христіански.

Они опять спросили: значитъ и ты служить не будешь, какъ и Ольховикъ?

Онъ сказалъ, что не будетъ.

Они спросили: почему?

Онъ сказалъ: потому что я христіанинъ, а христіане не должны вооружаться противъ людей.

Середу арестовали и вмѣстѣ съ Ольховикомъ сослали въ Якутскую область, гдѣ они и теперь находятся.

Изъ книги «Письма П. В. Ольховика».
Изданіе „Свободнаго Слова".

27-го Января 1894 года въ больницѣ Воронежской тюрьмы умеръ отъ воспаленія легкихъ нѣкто Дрожжинъ, бывшій сельскій учитель, Курской губерніи. Тѣло его брошено въ могилу на острожномъ кладбищѣ, какъ кидаютъ туда тѣла всѣхъ преступниковъ, умирающихъ въ тюрьмѣ. Между тѣмъ, это былъ одинъ изъ самыхъ святыхъ, чистыхъ и правдивыхъ людей, какіе бываютъ въ жизни.

Въ Августѣ 1891 года онъ былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности, но, считая всѣхъ людей братьями и признавая убійство и насиліе самымъ большимъ грѣхомъ, противнымъ совѣсти и волѣ Бога, онъ отказался быть солдатомъ и носить оружіе. Точно такъ же, признавая грѣхомъ отдавать свою волю во власть другихъ людей, могущихъ потребовать отъ него дурныхъ поступковъ, онъ отказался и отъ присяги. Люди, жизнь которыхъ основана на насиліи и убійствѣ, заключили его сначала на годъ въ одиночное заключеніе въ Харьковѣ, а потомъ перевели въ Воронежскій дисциплинарный батальонъ, гдѣ въ теченіе 15 мѣсяцевъ мучили его холодомъ, голодомъ и одиночнымъ заключеніемъ. Наконецъ, когда у него отъ непрерывныхъ страданій и лишеній развилась чахотка и онъ былъ признанъ негоднымъ къ военной службѣ, его рѣшили перевести въ гражданскую тюрьму, гдѣ онъ долженъ былъ отсиживать еще 9 лѣтъ заключенія. Но при доставленіи его изъ батальона въ тюрьму въ сильно морозный день, полицейскіе служители, по небрежности своей, повезли его безъ теплой одежды, долго стояли на улицѣ у полицейскаго дома и поэтому такъ простудили его, что у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ, отъ котораго онъ умеръ черезъ 22 дня.

За день до смерти Дрожжинъ сказалъ доктору: «Жить я хотя не долго, но умираю съ сознаніемъ, что поступилъ по своимъ убѣжденіямъ, согласно съ своей совѣстью. Конечно объ этомъ лучше могутъ судить другіе. Можетъ быть... нѣтъ, я думаю, что я правъ», сказалъ онъ утвердительно.

Изъ книги «Жизнь и смерть Дрожжина».
Изданіе „Свободнаго Слова".

Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать

противъ козней діавольскихъ, потому что наша брань не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ.

Для сего пріимите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять.

И такъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности.

Посланіе Павла къ Эфесянамъ.

Но какъ же поступить теперь, сейчасъ, — скажутъ мнѣ, — у насъ въ Россіи въ ту минуту, когда враги уже напали на насъ, убиваютъ нашихъ, угрожаютъ намъ, — какъ поступить русскому солдату, офицеру, генералу, царю, частному человѣку? Неужели предоставить врагамъ разорять наши владѣнія, захватывать произведенія нашихъ трудовъ, захватывать плѣнныхъ, убивать нашихъ? Что дѣлать теперь, когда дѣло начато?

Но вѣдь прежде, чѣмъ начато дѣло войны, кѣмъ бы оно ни было начато, — долженъ отвѣтить всякій одумавшійся человѣкъ, — прежде всего начато дѣло моей жизни. А дѣло моей жизни не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ правъ на Портъ-Артуръ китайцевъ, японцевъ или русскихъ. Дѣло моей жизни въ томъ, чтобы исполнять волю Того, кто меня послалъ въ эту жизнь. И воля эта извѣстна мнѣ. Воля эта въ томъ, чтобы я любилъ ближняго и служилъ ему. Для чего же я, слѣдуя временнымъ, случайнымъ требованіямъ, неразумнымъ и жестокимъ, отступлю отъ извѣстнаго мнѣ вѣчнаго и неизмѣннаго закона всей моей жизни? Если есть Богъ, то Онъ не спроситъ меня, когда я умру (что можетъ случиться всякую секунду), отстоялъ-ли я Юнампо съ его лѣсными складами, или Портъ-Артуръ, или даже то сцѣпленіе, называемое русскимъ государствомъ, которое Онъ не поручалъ мнѣ, а спроситъ у меня, что я сдѣлалъ съ той жизнью, которую Онъ далъ въ мое распоряженіе, употребилъ-ли я ее на то, на что она была предназначена и подъ условіемъ

чего она была вѣрена мнѣ? Исполнялъ-ли я законъ Его?

Такъ что на вопросъ о томъ, что̀ дѣлать теперь, когда начата война, мнѣ, человѣку, понимающему свое назначеніе, какое бы я ни занималъ положеніе, не можетъ быть другого отвѣта, какъ тотъ, что какія бы ни были обстоятельства,—начата или не начата война, убиты ли тысячи японцевъ или русскихъ, отнятъ ли не только Портъ-Артуръ, но Петербургъ и Москва, — я не могу поступить иначе какъ такъ, какъ того требуетъ отъ меня Богъ, и потому я, какъ человѣкъ, не могу ни прямо, ни косвенно, ни распоряженіями, ни помощью, ни возбужденіемъ къ ней, участвовать въ войнѣ, *не могу, не хочу и не буду*. Что̀ будетъ сейчасъ или вскорѣ изъ того, что я перестану дѣлать то, что̀ противно волѣ Бога, я не знаю и не могу знать, но вѣрю, что изъ исполненія воли Бога, не можетъ выйти ничего, кромѣ хорошаго, для меня и для всѣхъ людей.

Вы съ ужасомъ говорите о томъ, что̀ бы было, если бы мы, русскіе, сейчасъ перестали воевать и уступили бы японцамъ все то, чего они хотятъ отъ насъ.

Но если справедливо то, что спасеніе человѣчества отъ озвѣрѣнія, самоистребленія только въ одномъ: установленіи въ людяхъ истинной религіи, требующей любви къ ближнему и служенія ему, (въ чемъ нельзя не согласиться), то всякая война, всякій часъ ея и мое участіе въ ней, только дѣлаетъ болѣе труднымъ и отдаленнымъ осуществленіе этого единственно возможнаго спасенія. Такъ что даже становясь на вашу шаткую точку зрѣнія — опредѣленія поступковъ по предполагаемымъ ихъ послѣдствіямъ, и тогда уступка японцамъ со стороны русскихъ всего того, чего они хотятъ отъ насъ, кромѣ несомнѣннаго блага прекращенія разоренія и убійства, было бы приближеніемъ къ единственному средству спасенія человѣчества отъ его погибели, тогда какъ продол-

женіе войны, чѣмъ бы она ни кончилась, было бы отдаленіемъ отъ единственнаго средства спасенія.

Но если это и такъ, говорятъ на это, то прекратиться войны могутъ только тогда, когда всѣ люди или большинство ихъ откажется отъ участія въ нихъ. Отказъ же одного человѣка, будетъ ли онъ царь или солдатъ, только напрасно, безъ всякой пользы для кого бы то ни было погубитъ его жизнь. Откажись теперь русскій царь отъ войны, его свергли бы съ престола, можетъ быть убили бы, чтобы избавиться отъ него; откажись отъ военной службы обыкновенный человѣкъ, его отдадутъ въ дисциплинарный батальонъ, а можетъ быть и разстрѣляютъ. Для чего же безъ всякой пользы губить свою жизнь, могущую быть полезной обществу?—говорятъ обыкновенно люди, не думавшіе о назначеніи всей своей жизни и потому не понимающіе его.

Но не то чувствуетъ и говоритъ человѣкъ, понимающій назначеніе своей жизни, т. е. человѣкъ религіозный. Такой человѣкъ руководится въ своей дѣятельности не предполагаемыми послѣдствіями своихъ поступковъ, а сознаніемъ своего назначенія въ жизни. Фабричный рабочій идетъ на фабрику и дѣлаетъ на ней предписанное ему дѣло, безъ соображенія о томъ, какія будутъ послѣдствія его работъ. Такъ же поступаетъ солдатъ, исполняя волю начальства. То же дѣлаетъ религіозный человѣкъ, дѣлая то дѣло, которое предписано ему Богомъ, не разсуждая о томъ, что̀ именно выйдетъ изъ его работы. И потому для религіознаго человѣка нѣтъ вопроса о томъ, много или мало людей поступаютъ такъ же, какъ онъ, и что̀ съ нимъ можетъ случиться, если онъ сдѣлаетъ то, что̀ должно. Онъ знаетъ, что кромѣ жизни и смерти ничего не будетъ, а что жизнь и смерть въ рукахъ Бога, которому онъ повинуется.

Религіозный человѣкъ поступаетъ такъ, а не иначе, не потому, что онъ хочетъ поступить такъ, или потому что это выгодно ему или другимъ людямъ, а потому,

Что онъ, вѣруя въ то, что жизнь его въ волѣ Бога, не можетъ поступить иначе.

Въ этомъ особенность дѣятельности религіозныхъ людей.

И потому-то и спасеніе людей отъ тѣхъ бѣдъ, которыя они причиняютъ сами себѣ, произойдетъ только въ той мѣрѣ, въ которой они будутъ руководиться въ своей жизни не выгодой, не разсужденіями, а религіознымъ сознаніемъ.

X.

... Божьи люди это та таинственная соль, которая сохраняетъ міръ, такъ какъ вещи міра сохраняются только по стольку, по скольку божественная соль не теряетъ своей силы. «Потому что если соль потеряетъ свою силу, чѣмъ посолить ее? Она не можетъ служить ни для земли, ни для навоза, но ее выбросятъ вонъ. Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ». Что касается насъ, то мы преслѣдуемы, когда Богъ даетъ искусителю власть насъ преслѣдовать, но когда Онъ не хочетъ насъ подвергать страданіямъ, мы пользуемся чуднымъ спокойствіемъ даже среди этого міра, который насъ ненавидитъ, и мы полагаемся на покровительство того, Кто сказалъ: «имѣйте довѣріе, я побѣдилъ міръ».

Цельзій говоритъ еще: «что невозможно, чтобы всѣ жители Азіи, Европы и Ливіи, какъ греки, такъ и варвары согласились бы слѣдовать одному и тому же закону. Думать такъ, — говоритъ онъ, — значитъ ничего не понимать.» Мы же скажемъ, что это не только возможно, но что придетъ день, когда всѣ разумныя существа соединятся подъ однимъ закономъ. Потому что Слово или Разумъ покоритъ себѣ всѣ разумныя существа и преобразитъ ихъ въ свое собственное совершенство.

Есть болѣзни и раны тѣлесныя, которыя не можетъ исцѣлить никакое врачеваніе; но не то съ недугами души: нѣтъ такого зла, излѣченіе котораго не было бы возможно для высшаго Разума, который и есть Богъ.

Оригенъ.

Я сознаю въ себѣ силу, которая современемъ преобразитъ міръ. Она не толкаетъ и не давитъ, но я чувствую, какъ она понемногу и неудержимо влечетъ меня.

И я вижу, что меня что-то притягиваетъ такъ же, какъ я безсознательно притягиваю другихъ.

Я увлекаю ихъ, и они увлекаютъ меня, и мы сознаемъ стремленіе къ новому соединенію. Стань въ прикосновеніе съ

центральнымъ магнитомъ, и ты самъ станешь магнитомъ; и чѣмъ больше мы всѣ сознаемъ свое назначеніе и свои силы, тѣмъ очевиднѣе образовывается новый міръ. Мы становимся законодателями божественнаго закона, получая его отъ самого Бога, и человѣческіе законы вянутъ и ссыхаются передъ нами.

И я спросилъ ту силу, которая была во мнѣ: кто ты?

И она отвѣчала: я — Любовь, владыка неба, и хочу быть Любовью — владыкой земли.

Я — могущественнѣйшая изъ всѣхъ силъ небесныхъ и я пришла, чтобы образовать государство будущаго.

Кросби.

Можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что пришло къ намъ Царство Божіе уже тогда, когда гдѣ-нибудь открыто укоренится принципъ постепеннаго перехода церковной вѣры во всеобщую разумную религію, хотя бы полное осуществленіе этого царства было бы отъ насъ безконечно удалено, потому что въ этомъ принципѣ, какъ въ развивающемся и потомъ размножающемся зародышѣ, содержится уже все то, что должно просвѣтить міръ и овладѣть имъ.

Въ жизни міра тысячи лѣтъ, какъ одинъ день. Мы должны терпѣливо работать надъ этимъ осуществленіемъ и ждать его.

Кантъ.

Когда я говорю тебѣ о Богѣ, то ты не думай, что я говорю тебѣ о какомъ-нибудь предметѣ, сдѣланномъ изъ золота или серебра. Тотъ Богъ, о которомъ я тебѣ говорю, ты его чувствуешь въ своей душѣ. Ты носишь его въ самомъ себѣ и своими нечистыми помыслами и отвратительными поступками оскверняешь его образъ въ своей душѣ. Передъ идоломъ золотымъ, котораго ты почитаешь за Бога, ты остерегаешься дѣлать что-либо непристойное, а передъ лицомъ того Бога, который въ тебѣ самомъ все видитъ и слышитъ, ты даже не краснѣешь, когда предаешься своимъ гнуснымъ мыслямъ и поступкамъ.

Если бы только мы постоянно помнили, что Богъ въ насъ свидѣтель всего того, что мы дѣлаемъ и думаемъ, то мы перестали бы грѣшить, и Богъ бы неотлучно пребывалъ въ насъ. Давайте же вспоминать Бога, думать и бесѣдовать о немъ какъ можно чаще.

Эпиктетъ.

Но какъ же быть съ врагами, которые нападаютъ на насъ?

Любите враговъ вашихъ, и не будетъ у васъ врага, сказано въ Ученіи Двѣнадцати Апостоловъ. И отвѣтъ этотъ — не одни слова, какъ это можетъ ка-

заться людямъ, привыкшимъ думать, что предписаніе любви къ врагамъ есть нѣчто иносказательное и означаетъ не то, что̀ сказано, а что̀-то другое. Отвѣтъ этотъ есть указаніе очень ясной и опредѣленной дѣятельности и ея послѣдствій.

Любить враговъ, японцевъ, китайцевъ, тѣхъ желтыхъ людей, къ которымъ заблудшіе люди теперь стараются возбудить въ насъ ненависть, любить ихъ — значитъ не убивать ихъ для того, чтобы имѣть право отравлять ихъ опіумомъ, какъ дѣлали это англичане, не убивать ихъ для того, чтобы отнимать у нихъ земли, какъ дѣлали это французы, русскіе, нѣмцы, не закапывать ихъ живыми въ землю въ наказаніе за поврежденіе дороги, не связывать косами и не топить въ Амурѣ, какъ дѣлали это русскіе.

„Ученикъ не бываетъ выше учителя... Довольно для ученика, чтобы онъ былъ, какъ учитель его.“

Любить желтыхъ людей, которыхъ мы называемъ врагами, значитъ не учить ихъ подъ именемъ христіанства нелѣпымъ суевѣріямъ грѣхопаденія, искупленія, воскресенія и т. п., не учить ихъ искусству обманывать и убивать людей, а учить ихъ справедливости, безкорыстію, милосердію, любви, и не словами, а примѣромъ нашей доброй жизни.

И что̀ же мы дѣлали и дѣлаемъ съ ними?...

Такъ что если бы мы точно любили враговъ, хотя бы теперь начали такъ любить враговъ японцевъ, у насъ не было бы врага.

И потому, какъ ни странно это можетъ показаться людямъ, занятымъ военными планами, приготовленіями, дипломатическими соображеніями, административными, финансовыми, экономическими мѣрами, революціонными, соціалистическими проповѣдями и различными ненужными знаніями, которыми они думаютъ избавить человѣчество отъ его бѣдствій, — избавленіе людей не только отъ бѣдствій войнъ, но и отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя сами себѣ причиняютъ люди, сдѣ-

лается не тѣми императорами, королями, которые будутъ учреждать союзы мира, не тѣми людьми, которые свергнутъ императоровъ, королей, или ограничатъ ихъ конституціями или замѣнятъ монархіи республиками, не конференціями мира, не осуществленіемъ соціалистическихъ проектовъ, не побѣдами и пораженіями на сушѣ и на морѣ, не библіотеками, университетами, не тѣми праздными умственными упражненіями, которыя теперь называются наукой, а только тѣмъ, что будетъ все больше и больше тѣхъ простыхъ людей, которые, какъ духоборы, Дрожжины, Ольховики въ Россіи, назарены въ Австріи, Гонтодье во Франціи, Тервей въ Голландіи и другіе, — поставивъ себѣ цѣлью не внѣшнія измѣненія жизни, а наиточнѣйшее исполненіе въ себѣ воли Того, кто послалъ ихъ въ жизнь, на это исполненіе направятъ всѣ свои силы. Только эти люди, осуществляя царствіе Божіе въ себѣ, въ своей душѣ, установятъ, не стремясь непосредственно къ этой цѣли, то внѣшнее царство Божіе, котораго желаетъ всякая душа человѣческая.

Спасеніе произойдетъ только однимъ этимъ, а не какимъ-либо другимъ путемъ. И потому то, что̀ дѣлается теперь, какъ тѣми, которые, управляя людьми, внушаютъ имъ религіозныя и патріотическія суевѣрія, возбуждая ихъ къ исключительности, ненависти и человѣкоубійству, или тѣми, которые, для избавленія людей, отъ порабощенія и угнетенія, призываютъ ихъ къ насильственнымъ, внѣшнимъ переворотамъ или думаютъ, что пріобрѣтеніе людьми очень многихъ, случайныхъ, большей частью ненужныхъ знаній само собою приведетъ ихъ къ доброй жизни,—все это, отвлекая людей отъ того, что̀ имъ одно нужно, только отдаляетъ ихъ отъ возможности спасенія.

Зло, отъ котораго страдаютъ люди христіанскаго міра, — въ томъ, что они временно лишились религіи.

Одни люди, убѣдившись въ несоотвѣтствіи существующей религіи и степени умственнаго и научнаго

развитія человѣчества нашего времени, рѣшили, что религіи вообще совсѣмъ не нужно никакой, живутъ безъ религіи и проповѣдуютъ безполезность всякой, какой бы то ни было религіи; другіе же, держась той извращенной формы христіанской религіи, въ которой она проповѣдуется теперь, точно такъ же живутъ безъ религіи, исповѣдуя пустыя, внѣшнія формы, не могущія служить руководствомъ жизни людей.

А между тѣмъ религія, отвѣчающая требованіямъ нашего времени, есть и извѣстна всѣмъ людямъ и въ скрытомъ состояніи живетъ въ сердцахъ людей христіанскаго міра. И потому, для того, чтобы религія эта стала явной и обязательной для всѣхъ людей, нужно только то, чтобы ученые люди, руководители массъ, поняли, что религія нужна людямъ, что безъ религіи не могутъ жить люди доброй жизнью и что то, что̀ они называютъ наукой, не можетъ замѣнить религіи; люди же, власть имѣющіе и поддерживающіе старую, пустую форму религіи, поняли бы, что то, что̀ они поддерживаютъ и проповѣдуютъ подъ видомъ религіи, есть не только не религія, но главное препятствіе къ тому, чтобы люди усвоили ту истинную религію, которую они уже знаютъ, и которая одна можетъ спасти ихъ отъ ихъ бѣдствій.

Такъ что единственно вѣрное средство спасенія людей состоитъ только въ томъ, чтобы перестать дѣлать то, что̀ мѣшаетъ людямъ усвоить истинную религію, которая живетъ въ сознаніи людей.

XI.

Изумительное и ужасное совершается въ сей землѣ: пророки пророчествуютъ ложь, и священники господствуютъ при посредствѣ ихъ, и народъ мой любитъ это. Что же вы будете дѣлать послѣ всего этого?

Іеремія (V, 30, 31).

Народъ сей ослѣпилъ глаза свои и окаменилъ сердце свое,

да не видятъ глазами и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ.

Іоан. (XII, 40).

Самое прекрасное оружіе все же есть оружіе не благословенное. И потому разумный человѣкъ не полагается на него. Онъ больше всего дорожитъ спокойствіемъ. Онъ побѣждаетъ, но не радуется. Радоваться побѣдѣ, значитъ радоваться убійству людей; тотъ, кто радуется убійству людей, не можетъ достигнуть цѣли.

Лао-Тзе.

Если бы путешественникъ увидалъ на какомъ-нибудь отдаленномъ островѣ людей, дома которыхъ были бы обставлены заряженными орудіями и вокругъ этихъ домовъ ходили бы днемъ и ночью часовые, онъ не могъ бы не подумать, что на островѣ живутъ одни разбойники. Развѣ не то же съ Европейскими государствами?

Какъ же мало вліянія имѣетъ на людей религія, или какъ мы еще далеки отъ истинной религіи.

Лихтенбергъ.

Я кончалъ эту статью, когда пришло извѣстіе о погибели шести сотъ невинныхъ жизней противъ Портъ-Артура. Казалось бы безполезныя страданія и смерть этихъ несчастныхъ, обманутыхъ, ни за что погибшихъ ужасной смертью людей должны бы образумить тѣхъ, которые были причиной этой погибели. Я не говорю о Макаровѣ и другихъ офицерахъ — всѣ эти люди знали, что̀ и зачѣмъ они дѣлаютъ, и добровольно, изъ за выгодъ, изъ за честолюбія, прикрываясь очевидной, но не обличаемой только потому, что она всеобщая, ложью патріотизма, дѣлали то, что̀ дѣлали; я говорю о тѣхъ несчастныхъ, собранныхъ со всей Россіи людяхъ, которыхъ съ помощью религіознаго обмана и подъ страхомъ наказанія, оторвавъ отъ ихъ честной, разумной, полезной, трудовой, семейной жизни, загнали на другой конецъ свѣта, посадили на жестокую и нелѣпую машину убійства и, разорвавъ въ клочки, потопили вмѣстѣ съ этой глупой машиной въ далекомъ морѣ, безъ всякой нужды и какой бы то ни было возможности пользы

отъ всѣхъ тѣхъ лишеній, усилій, страданій и смерти, которая ихъ постигла.

Въ 1830 году, во время польской войны, посланный отъ Хлопицкаго въ Петербургъ адъютантъ Вылежинскій въ разговорѣ съ Дибичемъ, шедшемъ на французскомъ языкѣ, на поставленное Дибичемъ условіе, чтобы русскія войска вступили въ Польшу, Вылежинскій сказалъ:

— Monsieur le Maréchal, je crois que de cette manière il est de toute impossibilité que la nation polonaise accepte ce manifeste...

— Croyez-moi, l'Empereur ne fera pas de concessions.

— Je prevois donc qu'il y aura guerre malheureusement, qu'il y aura bien du sang répandu, bien de malheureuses victimes.

— Ne croyez pas cela, tout au plus dix mille hommes qui périront des deux côtés et voilà tout.*) „Tis mille hommes et foilà dout" — сказалъ своимъ нѣмецкимъ акцентомъ Дибичъ, вполнѣ увѣренный, что онъ, вмѣстѣ съ другимъ, столь же жестокимъ и чуждымъ, какъ и онъ, русской и польской жизни человѣкомъ, Николаемъ Павловичемъ, имѣетъ полное право приговорить или не приговорить къ смерти десятки, сотни тысячъ русскихъ и польскихъ людей.

Не вѣрится тому, что это могло быть, такъ это нелѣпо и ужасно, а между тѣмъ это было: 60 ты-

*) Въ переводѣ на русскій языкъ:

— Господинъ маршалъ, я думаю, что при этихъ условіяхъ совершенно невозможно, чтобы польскій народъ согласился принять этотъ манифестъ.

— Повѣрьте, Императоръ не сдѣлаетъ уступокъ.

— Тогда я предвижу, что, къ несчастью, будетъ война, много будетъ пролито крови, много несчастныхъ жертвъ.

— Напрасно вы думаете такъ, самое большое погибнетъ съ обѣихъ сторонъ 10.000 человѣкъ, только всего.

Вылежинскій прибавляетъ отъ себя: «Фельдмаршалъ не думалъ тогда, что болѣе 60.000 только русскихъ погибнетъ въ этой войнѣ, не столько отъ непріятельскаго огня, сколько отъ болѣзней, и что онъ самъ будетъ въ томъ числѣ.»

сячъ жизней кормильцевъ семей погибло по ихъ волѣ. И теперь происходитъ то же самое.

Для того, чтобы не пустить Японцевъ въ Манчжурію и выбить ихъ изъ Кореи, понадобится по всѣмъ вѣроятіямъ не 10, а 50 и болѣе тысячъ. Не знаю, говорятъ ли словами Николай II и Куропаткинъ, какъ Дибичъ, что для этого нужно *не болѣе 50 тысячъ жизней съ одной русской стороны и только*, но они это думаютъ, не могутъ не думать, потому что дѣло, которое они дѣлаютъ, говоритъ за себя: тотъ не перестающій потокъ везомыхъ теперь тысячами на Дальній Востокъ несчастныхъ, обманутыхъ русскихъ крестьянъ, это тѣ самые *не болѣе 50 тысячъ* живыхъ русскихъ людей, которыхъ Николай Романовъ и Алексѣй Куропаткинъ рѣшили убить и будутъ убивать ради поддержанія тѣхъ глупостей, грабительствъ и всякихъ гадостей, которыя дѣлали въ Китаѣ и Кореѣ безнравственные, тщеславные люди, сидящіе теперь спокойно въ своихъ дворцахъ и ожидающіе новой славы и новыхъ выгодъ и барышей отъ убійства этихъ 50000 ни въ чемъ не виноватыхъ, ничего не пріобрѣтающихъ своими страданіями и смертями, несчастныхъ, обманутыхъ русскихъ рабочихъ людей. Изъ за чужой земли, на которую русскіе не имѣютъ права, которая грабительски захвачена у законныхъ владѣльцевъ, и которая въ дѣйствительности и не нужна русскимъ, да еще изъ за какихъ-то темныхъ дѣлъ аферистовъ, хотѣвшихъ въ Кореѣ наживать деньги на чужихъ лѣсахъ, тратятся огромные милліоны денегъ, т. е. большая часть трудовъ всего русскаго народа, закабаляются въ долги будущія поколѣнія этого народа, отнимаются отъ труда его лучшіе работники и безжалостно обрекаются на смерть десятки тысячъ его сыновъ. И погибель этихъ несчастныхъ ужъ начинается. Мало того, война ведется тѣми, которые затѣяли ее, такъ дурно, небрежно: все такъ не предвидѣно, не приготовлено, что, какъ и говоритъ одна газета, главный шансъ

успѣха Россіи въ томъ, что у нея неистощимый человѣческій матеріалъ. На это и разсчитываютъ тѣ, которые посылаютъ на смерть десятки тысячъ русскихъ людей.

Прямо говорится: прискорбныя неудачи нашего флота должны быть возмѣщены на сушѣ. По-русски это значитъ то, что если начальство дурно распоряжалось на морѣ и погубило своей небрежностью не только народные милліоны, но тысячи жизней, то мы наверстаемъ это тѣмъ, что приговоримъ къ смерти на сушѣ еще нѣсколько десятковъ тысячъ.

Пѣшая саранча переходитъ рѣки такъ, что нижніе слои тонутъ до тѣхъ поръ, пока изъ потонувшихъ образуется мостъ, по которому пройдутъ верхніе. Такъ распоряжаются теперь и съ русскимъ народомъ.

И вотъ первый нижній слой ужъ начинаетъ топиться, показывая путь другимъ тысячамъ, которыя всѣ такъ же погибнутъ.

И что же, начинаютъ понимать свой грѣхъ, свое преступленіе зачинщики, распорядители и возбудители этого ужаснаго дѣла? Нисколько. Они вполнѣ увѣрены, что исполняли и исполняютъ свою обязанность, и гордятся своей дѣятельностью.

Толкуютъ о потерѣ храбраго Макарова, который, какъ всѣ согласны, могъ очень искусно убивать людей, сожалѣютъ о потонувшей хорошей машинѣ убійства, стоившей столько-то милліоновъ рублей, разсуждаютъ о томъ, какого найти другого, столь же искуснаго, какъ бѣдный, заблудшій Макаровъ, убійцу, придумываютъ новыя еще болѣе дѣйствительныя орудія убійства, и всѣ виновники этого страшнаго дѣла, отъ царя до послѣдняго журналиста, всѣ въ одинъ голосъ взываютъ къ новымъ безумствамъ, жестокостямъ, къ усиленію звѣрства и человѣконенавистничества.

„Макаровъ не одинъ въ Россіи, и каждый поставленный на его мѣсто адмиралъ пойдетъ по его слѣдамъ и будетъ продолжать планъ и мысль честно въ бою погибшаго Макарова“, пишетъ „Новое Время“.

„Будемъ тепло молиться Богу о положившихъ души свои за святую родину, ни минуты не сомнѣваясь въ томъ, что она же, родина наша, дастъ намъ новыхъ, столь же доблестныхъ сыновъ для дальнѣйшей борьбы и найдетъ въ нихъ неисчерпаемый запасъ силъ для достойнаго окончанія дѣла“, пишутъ „Петербургскія Вѣдомости“.

„Зрѣлая нація не сдѣлаетъ другого вывода изъ пораженія, хотя бы и неслыханнаго для нея, какъ то, что надо продолжать, развить и закончить борьбу. Найдемъ же въ себѣ новыя силы; явятся новые витязи духа“, пишетъ „Русь“. И т. п.

И еще съ бо̀льшимъ остервенѣніемъ продолжаются убійства и всякаго рода преступленія. Восторгаются воинственнымъ духомъ охотниковъ, которые, заставъ врасплохъ 50 своихъ ближнихъ, перерѣзали ихъ всѣхъ, или заняли селеніе и перерѣзали все населеніе, или повѣсили, разстрѣляли обвиняемыхъ въ шпіонствѣ, т. е. въ томъ самомъ дѣлѣ, которое считается необходимымъ и не переставая дѣлается съ нашей стороны. И о такихъ злодѣяніяхъ доносится торжественными телеграммами главному распорядителю ихъ, Царю, который посылаетъ своимъ доблестнымъ войскамъ благословеніе на продолженіе такихъ дѣлъ.

Развѣ не ясно, что, если есть спасеніе изъ этого положенія, то только одно: то, которое проповѣдуетъ Христосъ.

Ищите Царствія Божія и правды Его (того, которое внутри васъ) *и остальное*, т. е. все то практическое благо, къ которому можетъ стремиться человѣкъ, само собою осуществится.

Таковъ законъ жизни: практическое благо достигается не тогда, когда человѣкъ стремится къ этому практическому благу — такое стремленіе, напротивъ, большей частью отдаляетъ человѣка отъ достиженія того, чего онъ ищетъ, — а только тогда, когда *человѣкъ, не* думая о достиженіи практическаго блага,

стремится къ наисовершенному исполненію того, что онъ передъ Богомъ, передъ Началомъ и Закономъ своей жизни считаетъ должнымъ. Только тогда, попутно, достигается и практическое благо.

Такъ что истинное спасеніе людей одно: исполненіе воли Бога каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ въ себѣ, т. е. въ той части міра, которая одна подлежитъ его власти. Въ этомъ главное, единственное назначеніе каждаго отдѣльнаго человѣка, и это вмѣстѣ съ тѣмъ единственное средство воздѣйствія на другихъ каждаго отдѣльнаго человѣка; и потому на это, и только на это, должны быть направлены всѣ усилія каждаго человѣка.

17-го апрѣля 1904 г.

XII.

Только что отослалъ послѣдніе листы статьи о войнѣ, какъ пришло ужасное извѣстіе о новомъ злодѣяніи, совершенномъ надъ русскимъ народомъ тѣми легкомысленными, ошалѣвшими отъ власти людьми, которые присвоили себѣ право распоряжаться имъ. Опять наряженные въ разные пестрые наряды, раболѣпные и грубые рабы рабовъ, разныхъ сортовъ генералы, изъ за желанія отличиться или насолить одинъ другому, или заслужить право присоединить къ своимъ дурацкимъ пестрымъ нарядамъ еще звѣздочку, побрякушку или ленточку, или по глупости, или по неряшеству, — опять эти ничтожные, жалкіе люди погубили въ страшныхъ страданіяхъ нѣсколько тысячъ тѣхъ почтенныхъ, добрыхъ, трудолюбивыхъ рабочихъ людей, которые кормятъ ихъ. И опять это злодѣяніе не только не заставляетъ задуматься или покаяться виновниковъ этого дѣла, но и слышишь и читаешь только о томъ, какъ бы поскорѣе еще искалѣчить и убить побольше людей и еще больше раззорить семей и русскихъ и японскихъ.

Мало того: чтобы приготовить людей къ новымъ такимъ же злодѣяніямъ, виновники этихъ преступленій не только не признаютъ того, что всѣмъ

очевидно, что для русскихъ это было даже съ ихъ патріотической, военной точки зрѣнія постыднымъ пораженіемъ, но стараются внушить легковѣрнымъ людямъ, что эти, какъ скотина на бойню, заведенные въ западню несчастные русскіе рабочіе люди, которыхъ перебили и искалѣчили нѣсколько тысячъ только потому, что одинъ генералъ не понялъ того, что̀ сказалъ другой генералъ, — совершили геройскій подвигъ тѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которые не могли убѣжать, были убиты, а тѣ, которые убѣжали, остались живы. То же, что одинъ изъ этихъ ужасныхъ, безнравственныхъ, жестокихъ людей, величаемыхъ генералами и адмиралами, потопилъ множество мирныхъ японцевъ, росписывается также, какъ великій, доблестный подвигъ, долженствующій радовать русскихъ людей. И во всѣхъ газетахъ перепечатывается ужасное воззваніе къ убійству:

„Пусть двѣ тысячи убитыхъ на Ялу русскихъ солдатъ вмѣстѣ съ искалѣченными „Ретвизаномъ“ и его собратьями, съ нашими погибшими миноносцами научатъ наши крейсеры, съ какими разгромами имъ надо обрушиться на берега низкой Японіи. Она послала своихъ солдатъ проливать русскую кровь, и не должно быть ей пощады; теперь нельзя, теперь грѣшно сентиментальничать, надо воевать, надо наносить такіе тяжелые удары, чтобы воспоминаніе о нихъ вѣяло холодомъ на коварныя сердца японцевъ. Теперь-то и время крейсерамъ выйти въ море, чтобы испепелить города Японіи, чтобы пронестись ужаснымъ несчастьемъ вдоль ея красивыхъ береговъ.“

„Довольно сентиментальничать“.

И начатое ужасное дѣло продолжается. Продолжаются грабежи, насилія, убійство, лицемѣріе, воровство и, главное, ужаснѣйшая ложь: извращеніе религіозныхъ ученій, какъ христіанскаго, такъ и буддійскаго.

Царь, главное отвѣтственное лицо, продолжаетъ дѣлать парады войскамъ, благодарить, награждать, поощрять, издаетъ указъ о сборѣ запасныхъ. Вѣрно-

подданные вновь и вновь повергаютъ къ стопамъ называемаго ими обожаемымъ монарха, свои имущества и жизни, но на словахъ только. Сами же, желая отличиться другъ передъ другомъ на дѣлѣ, а не на словахъ, отрываютъ отцевъ, кормильцевъ отъ осиротѣвшихъ семействъ, приготовливая ихъ къ отправкѣ на бойню. Газетчики, чѣмъ хуже положеніе русскихъ, тѣмъ безсовѣстнѣе лгутъ, передѣлывая постыдныя пораженія въ побѣды, зная, что никто ихъ не опровергнетъ, и спокойно собираютъ деньги за подписку и продажу. Чѣмъ больше идетъ на войну денегъ и трудовъ народа, тѣмъ больше грабятъ всякіе начальники и аферисты, зная, что никто ихъ не обличитъ, потому что всѣ грабятъ. Военные, воспитанные для убійства, проведшіе десятки лѣтъ въ школѣ безчеловѣчности, грубости и праздности, радуются, несчастные, тому, что, кромѣ прибавки содержанія, убитые открываютъ вакансію для ихъ повышенія. Христіанскіе пастыри продолжаютъ призывать людей къ величайшему преступленію, продолжаютъ кощунствовать, прося у Бога помощи дѣлу войны, и не только не осуждаютъ, но оправдываютъ и восхваляютъ того изъ такихъ пастырей, который съ крестомъ въ рукахъ поощрялъ людей къ убійству на самомъ мѣстѣ преступленія. И то же происходитъ въ Японіи. Еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ, вслѣдствіе своихъ побѣдъ, набрасываются на убійство подражающіе всему скверному въ Европѣ, заблудшіе японцы. Такъ же дѣлаетъ парады, награждаетъ Микадо. Такъ же храбрятся разные генералы, воображая себѣ что они, научившись убивать, научились просвѣщенію. Такъ же стонетъ несчастный рабочій народъ, отрываемый отъ полезнаго труда и семей. Такъ же лгутъ и радуются подпискѣ газетчики, и такъ же, вѣроятно (такъ какъ тамъ, гдѣ убійство возведено въ доблесть, должны процвѣтать всякіе пороки), такъ же, вѣроятно, наживаютъ деньги всякіе начальники и аферисты, и японскіе богословы и религіозные учи-

тели, не отстающіе, — какъ ихъ военные въ техникѣ вооруженія, — и въ техникѣ религіознаго обмана и кощунства отъ европейцевъ, извращаютъ великое буддійское ученіе, не только допуская, но оправдывая запрещенное Буддой убійство.

Буддійскій ученый, начальствующій надъ 800 монастырями, Сойенъ Шакю объясняетъ, что, хотя Будда и запретилъ убійство, онъ сказалъ, что онъ не будетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока всѣ существа не будутъ соединены въ безконечномъ, любящемъ сердцѣ, а потому, чтобы привести находящіяся въ безпорядкѣ вещи въ порядокъ, нужно воевать и убивать людей*).

И какъ будто никогда не существовало христіанскаго и буддійскаго ученія о единствѣ человѣческаго духа, о братствѣ людей, о любви, о состраданіи, о

---

*) Въ статьѣ сказано: «Тройной міръ принадлежитъ мнѣ. Всѣ вещи въ немъ мои дѣти... Всѣ они только отраженія моего Я. Всѣ изъ одного источника... Всѣ части моего тѣла. Поэтому я не могу быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока малѣйшая часть существующаго не будетъ доведена до своего назначенія...

Таково отношеніе Будды къ міру, и мы, его смиренные послѣдователи, должны итти по его пути.

Почему же мы сражаемся?

Потому, что міръ не таковъ, какимъ долженъ быть, потому что есть извращенныя существа, ложныя мысли, дурно направленныя сердца, вслѣдствіе невѣжественной субъективности. И потому буддисты никогда не перестанутъ воевать со всѣми проявленіями невѣжества, и война ихъ продолжится до горькаго конца. (To the bitter end). Они не помилуютъ. (They will show no quarter). Они уничтожатъ корни, изъ которыхъ вытекаютъ несчастія жизни.

Чтобы достигнуть этого, они не пощадятъ своихъ жизней.»

Дальше идутъ, такъ же, какъ у насъ, путанныя разсужденія о самоотверженіи и незлобивости, о переселеніи душъ и многое другое, все только для того, чтобы закрыть ту простую и ясную заповѣдь Будды о томъ, чтобы не убивать.

Далѣе говорится: «Рука, поднятая для удара, и глазъ, берущій прицѣлъ, не принадлежатъ личности, а суть орудія, которыми пользуется Начало, стоящее выше преходящей жизни» и т. д. («The Open Court», May, 1904. Buddhist Views of War. The *Right Rev.* Soyen Shaku).

неприкосновенности жизни человѣческой. Люди, уже просвѣщенные свѣтомъ истины, и Японцы и Русскіе, какъ дикіе звѣри, хуже дикихъ звѣрей, бросаются другъ на друга съ однимъ желаніемъ уничтожить какъ можно больше жизней. Тысячи несчастныхъ уже стонутъ и корчатся отъ жестокихъ страданій и мучительно умираютъ въ японскихъ и русскихъ лазаретахъ, съ недоумѣніемъ спрашивая себя, зачѣмъ сдѣлали надъ ними это ужасное дѣло, и другія тысячи гніютъ въ землѣ и надъ землей или плаваютъ по морю, распухая и разлагаясь. И десятки тысячъ женъ, отцевъ, матерей, дѣтей оплакиваютъ своихъ ни за что̀ погубленныхъ кормильцевъ. Но всего этого мало, и готовятся все новыя и новыя жертвы. Главная забота начальниковъ убійства въ томъ, чтобы съ русской стороны потокъ пушечнаго мяса, — трехъ тысячъ человѣкъ въ день, — обреченныхъ на погибель, ни на минуту не прерывался. Тѣмъ же озабочены и Японцы. Пѣшую саранчу не переставая гонятъ въ рѣку, чтобы задніе ряды прошли по тѣмъ, которые затонутъ...

Да когда же это кончится? И когда же, наконецъ, обманутые люди опомнятся и скажутъ: „да идите вы, безжалостные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и какъ тамъ васъ называютъ, идите вы подъ ядра и пули, а мы не хотимъ и не пойдемъ. Оставьте насъ въ покоѣ: пахать, сѣять, строить, кормить васъ же, дармоѣдовъ". Вѣдь сказать это такъ естественно теперь, когда у насъ въ Россіи идетъ плачъ и вой сотенъ тысячъ матерей, женъ, дѣтей, отъ которыхъ отбираютъ ихъ кормильцевъ, такъ называемыхъ запасныхъ. Вѣдь эти самые люди, большинство запасныхъ, знаютъ грамотѣ: они знаютъ, что̀ такое Дальній Востокъ; знаютъ, что война идетъ не изъ какого-нибудь сколько-нибудь нужнаго русскимъ людямъ дѣла, а за какую-то чужую, *арендовую*, какъ они говорятъ, землю, въ которой выгодно было строить дорогу и

дѣлать свои дѣла какимъ-то аферистамъ; знаютъ или могутъ знать и то, что ихъ будутъ бить, какъ овецъ на бойнѣ, потому что у японцевъ послѣднія усовершенствованныя орудія убійства, а у насъ нѣтъ ихъ, такъ какъ русское начальство, которое посылаетъ ихъ на смерть, не догадалось во-время завести такихъ же орудій, какъ у Японцевъ. Вѣдь такъ естественно, зная все это, сказать: „да идите вы, тѣ, кто затѣялъ это дѣло, всѣ вы, кому нужна война и кто оправдываетъ ее, идите вы подъ японскія пули и мины, а мы не пойдемъ, потому что намъ не только не нужно этого, но мы не можемъ понять, зачѣмъ это кому-нибудь можетъ быть нужно".

Но нѣтъ, они не говорятъ этого, идутъ и будутъ идти, не могутъ не идти до тѣхъ поръ, пока будутъ бояться того, что̀ губитъ тѣло, а не того, что̀ губитъ тѣло и душу.

„Убьютъ-ли, искалѣчатъ-ли въ этихъ какихъ-то Юнампо, куда гонятъ насъ, — разсуждаютъ они, — еще неизвѣстно, можетъ быть и цѣлы выйдемъ, да еще съ наградами и торжествомъ, какъ тѣ моряки, которыхъ такъ чествуютъ теперь по всей Россіи за то, что бомбы и пули японцевъ попали не въ нихъ, а въ другихъ; а отказаться, навѣрное посадятъ въ тюрьму, будутъ морить голодомъ, сѣчь, сошлютъ въ Якутскую область, а то и убьютъ сейчасъ же". И съ отчаяніемъ въ сердцѣ, оставляя добрую, разумную жизнь, женъ, дѣтей, они идутъ.

Вчера я встрѣтилъ провожаемаго матерью и женой запаснаго. Они втроемъ ѣхали на телѣгѣ. Онъ былъ немного выпивши, лицо жены распухло отъ слезъ. Онъ обратился ко мнѣ:

— Прощай, Левъ Николаевичъ, на Дальній Востокъ.

— Что же, воевать будешь?

— Надо же кому-нибудь драться.

— Никому не надо драться.

Онъ задумался. — Какъ же быть-то? *Куда же дѣнешься?*

Я видѣлъ, что онъ понялъ меня, понялъ, что то дѣло, на которое посылаютъ его, дурное дѣло.

„*Куда же дѣнешься?*“ Вотъ точное выраженіе того душевнаго состоянія, которое въ офиціальномъ и газетномъ мірѣ переводится словами: „За вѣру, царя и отечество“. Тѣ, которые, бросая голодныя семьи, идутъ на страданія и смерть, говорятъ то, что̀ чувствуютъ: „Куда же дѣнешься?“ Тѣ же, которые сидятъ въ безопасности въ своихъ роскошныхъ дворцахъ, говорятъ, что всѣ русскіе готовы пожертвовать жизнью за обожаемаго монарха, за славу и величіе Россіи.

Вчера я получилъ отъ знакомаго мнѣ крестьянина одно за другимъ два письма.

Вотъ первое:

„Дорогой Левъ Николаевичъ, ну вотъ, сегодня я получилъ явочную карту о призывѣ на службу, завтра долженъ явиться на сборный пунктъ. Вотъ и все, а тамъ дальше на Дальній Востокъ подъ японскія пули.

„Про мое и горе моей семьи я вамъ не говорю, вамъ-ли не понять всего ужаса моего положенія и ужасовъ войны. Всѣмъ этимъ вы давно уже переболѣли и все понимаете. А какъ мнѣ все хотѣлось у васъ побывать, съ вами поговорить. Я было написалъ вамъ большое письмо, въ которомъ изложилъ муки моей души, но не успѣлъ переписать, какъ получилъ явочную карту. Что̀ дѣлать теперь моей женѣ съ четырьмя дѣтьми? Какъ старый человѣкъ, вы разумѣется не можете интересоваться судьбой моей семьи, но вы можете попросить кого-либо изъ вашихъ друзей, ради прогулки, навѣстить мою осиротѣлую семью. Я васъ прошу душевно, что если моя жена не выдержитъ муки своего сиротства съ кучей ребятъ и рѣшится пойти къ вамъ за помощью и совѣтомъ — вы примите ее и утѣшьте: она хоть васъ и не знаетъ лично, но вѣритъ въ ваше слово, а это много значитъ.

„Противиться призыву я не могъ, но я напередъ

говорю, что черезъ меня ни одна японская семья сиротой не останется. Господи, какъ все это ужасно, какъ тяжко и больно бросать все, чѣмъ живешь и интересуешься."

Второе письмо такое:

„Милый Левъ Николаевичъ,

„Вотъ, миновалъ только день дѣйствительной службы, а я уже пережилъ вѣчность самой отчаянной муки. Съ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера насъ толкли и канителили на казарменномъ двору, какъ стадо животныхъ. Три раза повторялась комедія тѣлеснаго смотра, и всѣ, заявлявшіе себя больными, не получили къ себѣ и по 10 минутъ вниманія и были отмѣчены: „годенъ". Когда насъ, этихъ годныхъ, 2000 человѣкъ погнали отъ воинскаго начальника въ казармы, по улицѣ чуть ли не въ версту длиной стояла толпа родственниковъ, матерей, женъ съ дѣтьми на рукахъ, и если бы вы слышали и видѣли, какъ они цѣплялись за своихъ отцевъ, мужей, сыновей, и, тащась на ихъ шеяхъ, отчаянно рыдали. Я вообще веду себя сдержанно и владѣю своими чувствами, но я не выдержалъ и также плакалъ..." (На газетномъ языкѣ это самое выражается такъ: подъемъ патріотизма огромный). „Гдѣ та мѣра, чтобы измѣрить все это огульное горе, которое распространится теперь чуть ли ни на одну треть земнаго шара? А мы, мы теперь пушечное мясо, которое въ недалекомъ будущемъ не замедлятъ подставить жертвами богу мщенія и ужаса...

Я никакъ не могу установить внутренняго равновѣсія. О, какъ я ненавижу себя за эту двойственность, которая мѣшаетъ мнѣ служить одному господину и Богу..."

Человѣкъ этотъ недостаточно еще вѣритъ въ то, что страшно не то, что̀ погубитъ тѣло, а то, что̀ погубитъ и тѣло и душу, и потому и не можетъ отказаться; но, покидая семью, впередъ обѣщается, что черезъ него не осиротится ни одна японская семья. Онъ вѣритъ въ главный законъ Бога, за-

конъ всѣхъ религій: поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой. И такихъ людей въ наше время, болѣе или менѣе сознательно признающихъ этотъ законъ, не въ одномъ христіанскомъ, но и въ буддійскомъ, магометанскомъ, конфуціанскомъ, браминскомъ мірѣ не тысячи, а милліоны.

Есть истинные герои, — не тѣ, которыхъ чествуютъ теперь за то, что они, желая убивать другихъ, сами не были убиты, — а истинные герои, сидящіе теперь по тюрьмамъ и въ Якутской области за то, что они прямо отказались итти въ ряды убійцъ и предпочли мученичество отступленію отъ закона Христа. Есть и такіе, какъ тотъ, который пишетъ мнѣ, которые пойдутъ, но не будутъ убивать. Но и то большинство, которое идетъ, не думая, стараясь не думать о томъ, что̀ оно дѣлаетъ, въ глубинѣ души уже чувствуетъ теперь, что дѣлаетъ дурное дѣло, повинуясь властямъ, отрывающимъ ихъ отъ труда и семьи и посылающимъ ихъ на ненужное, противное ихъ душѣ и вѣрѣ смертоубійство; но идутъ только потому, что они такъ опутаны со всѣхъ сторонъ, что „*куда же дѣнешься?*“

Тѣ же, которые остаются, не только чувствуютъ, но знаютъ и выражаютъ это. Вчера я встрѣтилъ на большой дорогѣ порожнёмъ возвращавшихся изъ Тулы крестьянъ. Одинъ изъ нихъ, идя подлѣ телѣги, читалъ листокъ.

Я спросилъ: — Что это, телеграмма?

Онъ остановился. — „Это вчерашняя, а есть и нынѣшняя.“.

Онъ досталъ другую изъ кармана. Мы остановились. Я читалъ.

— Что̀ вчера на вокзалѣ было, — началъ онъ, — страсть. Жены, дѣти, больше тысячи; ревутъ, обступили поѣздъ, не пускаютъ. Чужіе плакали, глядучи. Одна тульская женщина ахнула и тутъ же померла; пять человѣкъ дѣтей. Распихали по пріютамъ, а его все же погнали... И на что̀ намъ эта

какая-то Манчжурія? Своей земли много. А что народа побили и денегъ загубили...

Да, совсѣмъ иное отношеніе людей къ войнѣ теперь, чѣмъ то, которое было прежде, даже недавно въ 77 году. Никогда не было того, что совершается теперь.

Газеты пишутъ, что при встрѣчахъ царя, разъѣзжающаго по Россіи гипнотизировать людей, отправляемыхъ на убійство, проявляется неописуемый восторгъ въ народѣ. Въ дѣйствительности же проявляется совсѣмъ другое. Со всѣхъ сторонъ слышатся разсказы о томъ, какъ тамъ повѣсилось трое призванныхъ запасныхъ, тамъ еще двое, тамъ оставшаяся безъ мужа женщина принесла дѣтей въ воинское присутствіе и оставила ихъ тамъ, а другая повѣсилась во дворѣ воинскаго начальника. Всѣ недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: „за вѣру, царя и отечество", гимны и крики „ура" уже не дѣйствуютъ на людей, какъ прежде: другая, противоположная война сознанія неправды и грѣха того дѣла, къ которому призываются люди, все больше и больше захватываетъ народъ.

Да, великая борьба нашего времени не та, которая идетъ теперь между японцами и русскими, или та, которая можетъ разгорѣться между бѣлой и желтой расами, не та борьба, которая ведется минами, бомбами, пулями, а та духовная борьба, которая, не переставая, шла и теперь идетъ между готовымъ къ проявленію просвѣщеннымъ сознаніемъ человѣчества и тѣмъ мракомъ и тяжестью, которые окружаютъ и давятъ его.

Христосъ, тогда еще, въ свое время томился ожиданіемъ и говорилъ: „Огонь пришелъ низвесть я на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ возгорѣлся." (Лука XII, 49).

Чего желалъ Христосъ, совершается. Огонь возгорается. Не будемъ же противиться, а будемъ служить ему.

30-го апрѣля 1904 г.

Я никогда бы не кончилъ своей статьи о войнѣ, если бы продолжалъ включать въ нее все то, что̀ подтверждаетъ ея главную мысль. Вчера получено извѣстіе о затопленіи японскихъ броненосцевъ, и въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ русскаго знатнаго, богатаго, интеллигентнаго общества безъ всякаго зазрѣнія совѣсти радуются погибели тысячи человѣческихъ жизней. Нынче же я получилъ отъ рядового матроса, человѣка, стоящаго на самой низшей ступени общества, слѣдующее письмо:

„Писмо отъ матроса (слѣдуетъ имя, отчество и фамилія*).

„Многа уважаемаму Леву Николаевичу кланеюсъ я Вамъ нижающае Почтеніе низкае Поклонъ слюбовью многоуважаемае Левъ некалаевичъ Вотъ я четалъ ваше соченение оно для мене оченъ была четать Преятна я очень Любитель Былъ четать ваше соченение такъ Левъ никалаевичь унасъ теперь Военая дество какъ Припишите Мне пожалуста Угодна оно Богу ил нетъ что насъ началства заставлаетъ убевать Прашу я Васъ левъ никалаевчъ Припишите мена Пожалуста что есть теперя на свѣти Правда ил нетъ Припишите мнѣ Левъ николаевичъ унасъ уцеркви Идетъ Малитва Священник поминаетъ Христалюбимае военства Правда эта или нетъ что Богъ Узлюбелъ Воену Прашу я васъ левъ некалаевичъ нетли увасъ такихъ книжекъ чтобъ и увидалъ есть насвѣти Правда или нетъ Пришлите мне такихъ книжекъ сколка это будетъ стоеть я заплачу Прашу я васъ левъ некалаевичъ неаставте мое прозби когда книжакъ нетъ то пришлите Мне писмо я очень Буду радъ какъ я Получу атъ васъ Писмо Снетерпеніямъ буду ажидать атъ васъ Писма Теперь да сведане остаюсь живъ издаровъ итого вамъ желаю ота Го-

*) Письмо приводится здѣсь съ сохраненіемъ его своеобразной орѳографіи. (*Ред.*)

спада Бога добраго здарове вдѣлахъ вашихъ хорошаго успеха."

Слѣдуетъ адресъ: Портъ-Артуръ, названіе судна, на которомъ служитъ пишущій, званіе, имя, отчество, фамилія.

Прямо словами я не могу отвѣтить этому милому, серьезному и истинно просвѣщенному человѣку. Онъ въ Портъ-Артурѣ, съ которымъ уже нѣтъ сообщенія ни письменнаго, ни телеграфнаго. Но у насъ съ нимъ все-таки есть средство общенія. Средство это есть тотъ Богъ, въ котораго мы оба вѣримъ и про котораго мы оба знаемъ, что военное „дѣйство" не угодно Ему. Возникшее въ его душѣ сомнѣніе есть уже и разрѣшеніе его.

И сомнѣніе это возникло и живетъ теперь въ душахъ тысячъ и тысячъ людей, не только русскихъ и не только японскихъ, но и всѣхъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые насиліемъ принуждаемы къ исполненію самаго противнаго человѣческой природѣ дѣла.

Гипнозъ, которымъ одуряли и теперь стараются одурять людей, скоро проходитъ, и дѣйствіе его все слабѣетъ и слабѣетъ; сомнѣніе же о томъ, *„угодно-ли Богу или нѣтъ, что насъ начальство заставляетъ убивать"*, становится все сильнѣе и сильнѣе, ничѣмъ не можетъ быть уничтожаемо и все болѣе и болѣе распространяется.

Сомнѣніе о томъ, угодно-ли Богу или нѣтъ, что насъ начальство заставляетъ убивать? — это искра того огня, который Христосъ низвелъ на землю, и который начинаетъ возгораться.

И знать и чувствовать это — великая радость.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. 8-го мая 1904 г.

62. О половомъ вопросѣ. Мысли *Л. Н. Толстого.* — 50
63. Унитаріанское христіанство. Переводъ съ англійск. — 25
64. О вѣчномъ и преходящемъ въ религіи. Переводъ съ англійскаго. — 25
65. Альбомъ художественныхъ иллюстрацій Л. О. Пастернака къ роману Л. Н. Толстого „Воскресеніе". 1 50
69. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства. Выпускъ 6-ой. Преслѣдованіе баптистовъ. — 75
70. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого, запрещенныхъ русской цензурой.
(Подробный перечень см. на 3-й стр. обложки).
71. О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Три письма *Л. Н. Толстого.* — 25
72. О вѣротерпимости. *Л. Н. Толстого.* — 15
73. Солдатская памятка. *Его же.* — 15
74. Офицерская памятка. *Его же.* — 15
75. Что такое религія и въ чемъ сущность ея? *Его же.* — 60
77. Мысли о воспитаніи и обученіи *Л. Н. Толстого.* — 30
78. Къ рабочему народу. *Его же.* — 50
79. Іисусъ: Богъ или Сынъ Божій? *Пэджъ-Гопсъ.* — 25
80. Противъ войны. Двѣ статьи *Л. Н. Толстого.* — 30
81. Возстановленіе ада (Легенда) и Обращеніе къ духовенству. *Л. Н. Толстого.* — 40
82. Библія, ея происхожденіе, развитіе и характеръ. *Дж. Т. Сендерлэнда.* Переводъ съ Англ. (Печат.)
83. Вопросы жизни. *О. А. Страхова.* — 40
84. Толстой и соціальная демократія. *Г. Артемьева.* — 15
85. Къ политическимъ дѣятелямъ. *Л. Н. Толстого.* — 20
86. Голосъ крестьянина. — 25
87. Матеріалы къ исторіи русскаго сектантства. Выпускъ 7-й. Внѣ закона. (Только для частной разсылки). — 15
88. Матеріалы къ исторіи русскаго сектантства. Выпускъ 8-й. Исповѣдь сектанта. — 15
89. О революціи. Насильственная революція или христіанское освобожденіе. *В. Черткова* (Печат.)
90. Сборникъ пѣсенъ и гимновъ свободныхъ христіанъ. Съ нотами. Выпускъ 1-ый. (Печатается).
Листки Свободнаго Слова:
№ № 8, 9, 14, 15, 19, 21, 23. Свѣдѣнія изъ современной жизни въ Россіи: по — 20
Со статьями Л. Н. Толстого: № 4. Стыдно. — 5 к. Письмо къ фельдфебелю. — 5 к. № 16. Патріотизмъ и правительство. — 30 к. № 17. „Не убій". По поводу убійства короля Гумберта. — 10 коп. № 18. Гдѣ выходъ? — 15 к. Царю и его помощникамъ. — 15 к. № 22. Отвѣтъ Синоду. — 15 к. № 24. Единственное средство — 30 к.
„Свободное Слово". Періодическое обозрѣніе. Вышли 11 номеровъ. Цѣна каждаго номера на разныхъ бумагахъ 40, 25 и 10 коп.

спада Бога добраго здарове вдѣлахъ вашихъ хорошаго успеха."

Слѣдуетъ адресъ: Портъ-Артуръ, названіе судна, на которомъ служитъ пишущій, званіе, имя, отчество, фамилія.

Прямо словами я не могу отвѣтить этому милому, серьезному и истинно просвѣщенному человѣку. Онъ въ Портъ-Артурѣ, съ которымъ уже нѣтъ сообщенія ни письменнаго, ни телеграфнаго. Но у насъ съ нимъ все-таки есть средство общенія. Средство это есть тотъ Богъ, въ котораго мы оба вѣримъ и про котораго мы оба знаемъ, что военное „дѣйство" не угодно Ему. Возникшее въ его душѣ сомнѣніе есть уже и разрѣшеніе его.

И сомнѣніе это возникло и живетъ теперь въ душахъ тысячъ и тысячъ людей, не только русскихъ и не только японскихъ, но и всѣхъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые насиліемъ принуждаемы къ исполненію самаго противнаго человѣческой природѣ дѣла.

Гипнозъ, которымъ одуряли и теперь стараются одурять людей, скоро проходитъ, и дѣйствіе его все слабѣетъ и слабѣетъ; сомнѣніе же о томъ, *„угодно-ли Богу или нѣтъ, что насъ начальство заставляетъ убивать"*, становится все сильнѣе и сильнѣе, ничѣмъ не можетъ быть уничтожаемо и все болѣе и болѣе распространяется.

Сомнѣніе о томъ, угодно-ли Богу или нѣтъ, что насъ начальство заставляетъ убивать? — это искра того огня, который Христосъ низвелъ на землю, и который начинаетъ возгораться.

И знать и чувствовать это — великая радость.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна. 8-го мая 1904 г.